

Артур Ширази

12+



СВЕТОМ ДВУХ МИРОВ

Артур Ширази

Светом двух миров

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65938862

SelfPub; 2021

Аннотация

Как бы история чайки по имени Джонатан Ливингстон зазвучала в человеческом мире? Тоже притчей? Или жизненной правдой, с которой мы сталкиваемся ежедневно? А может, всё будет сплетено в одно?

Семён не ждал чудес. Но они пришли, когда на пустыре недавно уехавшего цирка-шапито он находит крыло. Эта находка рушит всю его жизнь, и жизнь его друга Витьки, который теперь должен отказаться от всех своих надежд, только лишь бы вернуть долг, оставшийся от потерянного бизнеса. Когда всё рушится, где она – грань, между безумием и любовью? Можно ли понять себя или всю жизнь скрывать свою подлинную природу? И кто мы в этом мире? Чужаки и изгой? Или дарованные миру ангелы? Которые умеют ткать полотно своей жизни. И жить светом двух миров!

Артур Ширази

Светом двух миров

Крыло

Ранним утром Семён вышел на пыльный пустырь между двумя новенькими, недавно построенными торговыми центрами. Никого ещё не было. Прозрачность свежего дня, – во всю ширь и высоту. И ветер, ошалевший от открывшегося вдруг простора.

Ещё пару дней назад на этом пустыре стоял шатёр передвижного цирка–шапито. Весь город был увешан ярко-алыми постерами с пугающей крупной фразой в центре: «Смерть Ангела». Семён однажды проходил мимо, когда шло представление, и видел, как скаты шатра колыхались под нажимом мощных звуков «Muerte del Angel» Пьяццоллы. И было в их движении что-то демоническое.

Семён достал бутылку воды. Глотнул из неё, потому что захотелось вдруг пить. Стоя теперь перед травянистым, лишь в самом своём центре истёртым шагами многочисленных людей, песчаным пустырём, он испытывал чувство очищения. Глубоко вздохнул.

Прямо у его ног из земли рос ярко-жёлтый солнечного радостного цвета одуванчик. Семён тонкой струйкой из бутылки дал попить и ему. Улыбнулся. И тут, лёгкий порыв ветра

прибил к его ногам старую мятую газету, которая прильнула к его щиколоткам, будто тоже прося обратить на себя внимание. Порыв ветра стих, остановив жалкое трепыхание газеты, и Семён прочёл большие буквы чьей-то цитаты: «21 век станет либо веком тотального обострения смертоносного кризиса и порабощением человека, либо веком морального очищения и духовного выздоровления всего человечества».

«Каким же нужно быть самоуверенным, чтобы говорить так», – подумал он беззлобно.

Ладно, громкие слова, но ведь ещё и о будущем! Будто его кто-то знает. Пустые лозунги. Нужны они не более чем для привлечения внимания к себе или своим идеям, и редко что-то меняют в мире.

Семён наклонился и подобрал пыльный листок, отнёс его к ближайшей урне.

«Убрать мусор из под ног легче, чем то же – в головах», – подумал он.

Не то, чтобы он считал себя самым умным, просто иногда находил забавные аналогии, – исключительно для собственного пользования, – и тем спасался от внешней безысходности. Какое уж тут духовное выздоровление? Какая свобода? Когда тебя со всех сторон обступили. Чужие идеи. Навязанные обстоятельства. Вера в долг и приоритет общественной необходимости.

Все, так или иначе, хоть и кричат о свободе, но всё равно, выбирают лишь из того, что им уже предложено. Зато судьи!

Зато выбор! Но только лишь для того, чтобы хорошо, сытно так, жилось.

Он же не кричал. Поэтому, может, и переживал из-за всего этого больше обычного.

Семён прошёл вглубь пустыря ближе к одинокой чахлой берёзке, которая наперекор всему безмолвно тянулась к небу. У её ствола в траве валялась коричневая тряпка, под которой небольшим комком возвышалось нечто непонятное. Может, забытый в спешке мусор?

Он наклонился, приподнял тряпку и от неожиданности замер, забыв распрямиться. Под старым истёртым полотнищем белело большое, почти в человеческий рост, крыло. Каждое его перышко плотно льнуло к соседним, и вместе с ними составляло тонкий ажурный узор. Даже лежащее, оно казалось на вид плотным и тяжёлым.

Семён присел на корточки, приподнял белый мягкий край. Крыло действительно было увесистым, в сложенном виде метра полтора. Наверное, забытое тут в спешке отъезда шапито.

«Циркачи оставили, – подумал Семён. – Ну, не пропадать же такой красоте. Надо пока прибрать».

Он оглянулся по сторонам, аккуратно завернул все перья в коричневую тряпку и с трудом, зажав его подмышку, встал. Пошёл напрямик к своему дому, старой общаге, где снимал комнату на третьем этаже.

Дотасил находку. С трудом удерживая крыло на плече, открыл дверь ключом. Отбросив в сторону тряпку, разложил белоснежное крыло на кровати. Ещё раз провел ладонью по упругой глади перьев. Попытался понять, настоящее оно, либо искусная подделка. Взворошив перья, в основании их нащупал кожистое розоватое тело. Но обрубка живой плоти на конце его плеча Семён не увидел, только аккуратную округлую культю, покрытую мягким пушком. Значит, всё таки, не настоящее. Но как же натурально выглядит!

Встав у зеркала, что пряталось за дверцей шкафа, поднял крыло и закинул за плечо, поддерживая рукой снизу. Шагнул в бок, чтобы в зеркале увидеть только ту половину себя, где он стал на время крылат. На миг показалось, что в зеркале отразился ангел, заглянувший в проём двери и вдруг встретившийся с ним глазами. Худой, бледный, ясными голубыми глазами своими какой-то нездешний. Семён усмехнулся своему виду. Ангел в отражении тоже был рад встречи.

И тут, совсем неожиданно, спину пронзила острая боль. Будто оса вонзила ядовитое жало глубоко под кожу. Семёна согнуло болью, он упал на колени, уперевшись в пол ладонями. Боль в следующую же секунду прошла, остался лишь неясный зуд и какие-то новые ощущения в спине. Семён выпрямился и краем глаза заметил крыло за своей спиной. Оно не упало, не осталось валяться на полу, но теперь компактно расположилось за правым плечом.

Он закинул левую руку к загривку, провёл по лопатке,

уперевшись вдруг в толстую кость крыла, уходящую под кожу. Оно теперь было его.

«Бред!» – подумал Семён и повернулся к зеркалу. В нём отразилось его худое бледное тело и сияющее белизной крыло за плечом.

«Что за бред!» – возмутился он и потянул крыло в сторону. Не помогло. Крыло ощущалось продолжением его плеча.

Внезапно за стеной послышались женские визги и ругань. Потом хлопок двери, и теперь голоса пронзили гулкое и пустое, до этой секунды молчаливое пространство коридора. Ругались соседи Семёна, живущие в ближайшей комнате. Муж, мало зарабатывающий и много выпивающий. Жена с базарными привычками и отсутствием ума. В общем, полная несостоятельность в образах мужчины и женщины. Обычная история из жизни.

Семён вынужден был прислушаться. Мужской голос матом поливал пространство общаги. В ответ ему полетело злобное «Козёл» и хлопок закрывающейся двери. Через полминуты в незапертую дверь Семёна ввалился голый пузатый торс. Его обладатель с бутылкой в руке, привычно управляя нетвёрдой походкой, остановился посреди комнаты и увидел Семёна, растерянно выглянувшего из-за дверцы шкафа.

– Здорово, сосед! Слушай, моя вообще с катушек скатилась. Под откос понесло. Можно попросить у тебя убежища политического? – осклабился он.

Семён ничего не ответил. А значит и не запретил. Коля, как звали соседа, показал ему крепкий кулак мужской солидарности и плюхнулся в кресло напротив старенького телевизора. Поставил бутылку на пол, нащупал пульт под своим задом. И, старательно прицеливаясь, стал ловить пальцем кнопки. Все подряд. Промелькнули какие-то бодрые новости, кричащие друг на друга эксперты ток-шоу, женский сериал и мрачные кадры хмурой мистической чернухи.

Семён, всё также из-за дверцы, не решаясь выйти, молча наблюдал. Крыло за спиной мелко дрожало.

Коля наконец перестал жать кнопки, услышав бодрую музыку марша из телевизора. На экране показывали очередной военный парад. Чеканным шагом, строгими шеренгами шли похожие друг на друга красавцы в новенькой форме. Их летящая напряженная походка волной поднимала над брусчаткой ровно выстроенные колонны.

– О! – звонко обрадовался Коля. – Гражданину дай парад, он и рад!

Николай откинулся в кресле, не забыв поднять бутылку с пола, и уставился стеклянными глазами в экран. Семён, пользуясь тем, что Коля был теперь занят, вытянул из шкафа длиннополый серый плащ и накинул его себе на плечи. Застёгиваясь, вышел из-за дверцы.

– Сёма! Пить будешь? – Коля протянул к нему бутылку.

В спину под плащом кольнуло. Семён поморщился и ответил:

– Нет, спасибо.

– Да не бзди! Мужики – это сила. – Коля показал на холёных солдат. – Мы должны держаться вместе!

– Конечно, – машинально ответил Семён.

Он взял со стола пакет и показал его Коле:

– Слушай, мне тут в магазин надо. Так что, я уйду на какое-то время.

– Не вопрос! Ты закусон там какой-нибудь купи! По-братски, – не поворачиваясь от телевизора, сказал Коля.

– Ага. – Семён застегнулся на все пуговицы, под самый кадык, вставил босые ноги в разношенные кроссовки и быстро вышел.

В холодном коридоре устойчиво пахло мокрой штукатуркой и старыми сигаретными окурками. Он решительно прошёл мимо стройной шеренги одинаковых коричневых дверей в конец коридора, где вышел к лестничной площадке. Почти не дыша, спустился вниз вдоль стен, бездарно расписанных местными подростками. Скрип тяжёлой двери открыл проход в солнечный день, разыгравшийся снаружи. Семён глубоко вдохнул разогретую ароматную пыль, поднимаемую еле заметным ветерком. Пошёл по узкой дорожке через огромный заросший двор, схваченный квадратом сталинских пятиэтажек.

– Будто сбегаю от кого-то, – подумал он. – Куда же пойти-то теперь?

В плащ плотно упирался осязаемый горб за правым пле-

чом. Непривычно натирала кожу жесткие перья, от тяжести приходилось клониться чуть вперед и влево. Семён никак не мог понять: паниковать ему или пока ещё нет. Вроде, вокруг всё, как обычно. И он – тот же. Только добавились новые ощущения за спиной.

– Куда податься? – не отпускало Семёна.

Сбоку от дорожки расположилась старая детская площадка с дощатой коробкой песочницы, кривыми металлическими качелями и одиноким худым турником. В песочнице, самозабвенно запустив ладони в мягкий песок, сидел на четвереньках какой-то малыш. Увидев приближающегося Семёна, он оторвался от своей незатейливой игры и бесцеремонно уставился в его сторону. Семён замедлил шаг, встретившись взглядом с синими большими зрачками, зацепившись за него. Ребёнок неотрывно следил, будто увидел экзотическое животное, которое до этого сидело в зоопарке, а теперь сбежало гулять по местным дворам. Семёну быть им не хотелось. Он беспокойно огляделся по сторонам, – должен же присматривать за ребенком какой-то взрослый. Но в округе никого не было. Он снова повернулся к ребенку, жадно глядящему на него. И тот вдруг неожиданно улыбнулся во весь рот. Засияли глаза, ямочки на щеках. Как солнечные блики на зеленой листве.

«Что это он?» – подумал Семён, поспешив стыдливо отвернуться.

Хотелось сжаться, раствориться, потеряться. Уж лучше

бы исчезнуть на время из мира. Пока не разберёшься с этой ситуацией.

Семён начал бояться, что его разоблачат. Идущая навстречу женщина с сумкой продуктов, сидящие на скамеечке напротив бабки. Горбун Квазимодо так не боялся людей, как теперь он в своём нелепом плаще.

Он быстро свернул в проход между домами и вышел на широкий тротуар шумной проезжей улицы. И тут же упёрся взглядом в чужие глаза, замедлил шаг, задержав на секунду сбивчивое дыхание. Перед ним стоял один из местных городских сумасшедших, коих Семён знал в количестве четырёх человек. Они всегда привлекали к себе его внимание. Тихие или экспрессивные в своих реакциях, но всегда непредсказуемые. И тем интересные. В детстве Семён даже представлял себе, а как это: быть сумасшедшим? Вот бы стать таким хотя бы на день или два, а потом обратно.

Этот был коренастым. Округлым, самым широким местом в талии и низеньким, как гном. Большой овал пухлых щёк на лице, острый крючковатый нос, тонкие губы, растянувшиеся в постоянной глуповатой улыбке. Длинные, сильно ниже плеч, спутанные и, кажется никогда им не чёсанные, непонятного цвета волосы.

Семён периодически видел его в городе, стремительно летящего по прямой проспекта. Слегка нагнувшись вперед, забрасывая петли рук за спину, он быстро перебирал ногами, отчего волосы бились о плотную кожу его старой потёртой

чёрной куртки, прикрывавшей фланелевые клетки рубахи. Во всякое время года, даже зимой, куртку он не застёгивал. То ли молния на ней сломалась, то ли по другой причине. И всегда был с непокрытой головой, от чего волосы путались ещё больше. Он быстро проносился мимо, стремясь вперед. Иногда Семён замечал его и за городом, на трассе, вырывающейся с окраин в поля и леса. И там он всё также стремительно шёл куда-то.

А теперь же он стоял и смотрел, криво улыбаясь, в глаза Семёна. А Семён замер от неожиданности. Всего пару секунд длился этот взгляд. Лёгкие потребовали нового вдоха, и Семён шумно задышал, а потом опустил глаза в асфальт, сжал голову в воротник плаща и побежал в сторону проезжей части. Слишком много встреч на сегодня!

Не останавливаясь, пронёсся между летящими в обоих направлениях автомобилями, и затем – в арку другого двора. Побежал вдоль домов к не облагороженному, поросшему низким глухим кустарником, склону. Там – на узкую грунтовую тропку. Вылетев на повороте из-за густой зелени, он чуть не сбил молодую женщину, гуляющую с коляской. Та охнула, но Семён лишь шархнул в сторону, влетев в жёсткие ветки куста, и побежал дальше. Туда, где не должно было быть столько людей.

Впереди возвышалась сияющая на солнце стена городской больницы, а правее её – такой же стеной – большой роддом. Семён в нём родился, и помнил первым своим воспомина-

нием полуторагодовалого ребенка как мама из окна показывала им с отцом кулёчек, оказавшийся потом его младшей сестрой.

Теперь он, запыхавшись, спешил мимо. Там, ещё дальше по склону в глубине березовой рощи, – боксы инфекционного отделения, куда однажды заперли и его. Он тоже навсегда запомнил, как плакал, стоя на подоконнике окна, высунув нос в высокую для него форточку, потому что на улице стояла мама.

За этим, страшным для него, местом, задвинутое на приличном расстоянии в глубину высоких деревьев, низенькое строение морга. Семён всегда обходил его стороной. Не потому, что боялся умереть. Он сторонился смерти вообще. Ведь она уже забрала всех, кто был ему хоть как-то дорог в этой жизни.

Оббежав стороной морг, Семён оказался у старой тепло-трассы, которая протянулась прямой линией на границе города, отделяющей его от густого соснового леса на высоком хребте, что тянулся вдоль долины. Семён подлез под толстые трубы и затем стал взбираться прямо сквозь шершавую траву, в гору.

Шаг его замедлился, он стал дышать глубже и ровнее. Прохладный лесной воздух проникал под плащ, где щекотал вспотевшую спину. И оказалось, что Семён чувствует даже шевеление тонких пушинок на перьях крыла.

Тяжёло дыша, он взбирался без тропы, в лоб штурмуя кру-

той травянистый склон поросшего сосняком хребта. И это помогало ему привести в порядок свой разум. Столько событий и новых ощущений. Надо бы разобраться со всем этим. Но мыслей не было.

Совершенно точно, – и это Семён уже осознал, – произошло что-то невероятное. Факт тяжёлого крыла за спиной не вычеркнешь. В голове висели два вопроса: как это возможно и что теперь делать? Причём от ответа на первый, как это казалось теперь Семёну, зависел ответ и на второй. Но как бы не крутил в голове он все произошедшие с ним события, ясности не добавлялось. Своих мозгов явно не хватало. А эксперт в этом вопросе так пока и не объявился. Хорошо, что вихрь первых эмоций уже улётся, и можно было прислушаться к себе, попытаться найти новый путь мысли.

Но вот как бы Семён не старался, пути не было. А крыло оставалось. Всё так же, за спиной.

Запахавшись, он сел на ковёр из рыжих сосновых игл, приладился к длине крыла, упершегося в землю позади, закрыл глаза. Потом снова открыл и взгляделся вдаль, в голубеющие волны далёких хребтов, расплывающиеся в полуденном мареве. Этот простор притягивал взгляд и вытягивал сиюминутное из головы, оставляя внутри тишину. Покой, которого никогда не доставало, но теперь пришедшего в дар.

И ещё чистота. От того, что не нужно бояться, притворяться. От того, что застыл в отрешенности перед будущим и прошлым, знание о которых оказалось слишком тяжёлым,

за гранью отказывающего ему теперь ума.

«Не важно, что впереди! И какая разница, что у тебя уже за спиной!» – подумал Семён.

Это, конечно, относилось к прошлому. Не к одинокому крылу за плечом.

Семён почувствовал на губах лёгкую улыбку.

Это потому, что чистота принесла покой, а он – смирение. И от того она и родилась. Несмелая пока, но настоящая улыбка.

«Разберёмся, потихоньку» – подумал Семён.

Он привалился в каком-то блаженном состоянии к стволу мощной сосны, держащей толстыми корнями крутой склон. И почувствовал тепло её коры, солнечность её токов, бегущих по жилам ввысь, к самому небу. Закрыв глаза. Утонул в оранжевом свете солнечных лучей, льющихся сквозь веки. Они напитали его душу и убедили в одном: всё будет хорошо.

А потом время замедлилось, и всё вокруг перестало существовать. Остался только свет, тёплым маслом текущий в груди и согревающий сердце.

Так прошло несколько часов, как это показалось Семёну. По крайней мере, солнце теперь перекатилось за полдень. И он встал на слабых своих ногах, разомлев от внутренней теплоты и долгого сидения на солнце. Нужно было возвращаться и как-то жить дальше.

Но сначала вновь пересечь дворы и широкие улицы, заполненные теперь людьми, чтобы оказаться в уединении своей холостяцкой комнатки.

В кармане Семёна зашуршал взятый им для прикрытия перед соседом Колей пакет. И в голове вдруг появился несколько идиотский план: заполнить его травой, шишками и цветами, и, закинув за спину, как-то замаскировать горб под плащом. Может, хоть так было бы спокойнее внутри.

Всё ещё сомневаясь, но не видя других вариантов, Семён так и сделал. Закинул за правое плечо набитый до отказа пакет и направился в сторону ближайших многоэтажек.

Прошёл дворами, вышел к центральной улице, которая действительно кишела уже людьми, перешёл на светофоре дорогу. То ли пакет помог, то ли в целом умиротворенное состояние принесло результат: паники внутри не было. Лишь один раз Семён заметил, что на него обратили внимание, и это был ребенок в той же песочнице его двора, что и раньше этим утром. Нет, конечно же, ребёнок был другой. Странно было бы, если б тот, первый, целый день сидел, дожидаясь его. Но и этот, новый, тоже бросил вдруг неумело возиться в песке и поднял свой открытый взгляд прямо на Семёна. На личике ребёнка сама собой медленно распустилась улыбка, а глазки солнечно заблестели.

Семён от какой-то внутренней полноты улыбнулся в ответ. Он сам не понимал, как же раньше он стыдливо отвёл глаза от детского взгляда, будто тот его обличал, поймав на

внутренней безрадостности. Теперь улыбалось легко и светло. И было не больно.

Поднявшись на свой этаж в общежитии, он толкнул всё ещё незапертую дверь комнаты. Телевизор работал. Коля, наискось расплывшись в кресле, спал.

Семён оглядел комнату. Ничего ценного: стол, шкаф, кровать и кресло перед телевизором. Во всю стену – книжные полки. Вроде, в какой-то фантастической книге он читал про людей с крыльями, которые когда-то жили на земле, но двуногие люди с поверхности их просто всех перебили. Потому что те могли летать и видеть дальше их. Завидовали, наверное.

Семён залез в шкаф и, достав старый вместительный рюкзак, набил его своими вещами. Вытянул из под матраца пакет с деньгами и документами. Потом закинул рюкзак за плечо, выключил телевизор и вышел из комнаты, не запирая дверь.

Ему теперь в общаге абсолютно не хотелось быть. Теперь он шёл на окраину своего района, где прямыми рядами располагались гаражные кооперативы, в одном из старых боксов которых была оборудована мастерская по изготовлению мебели, где работал Семён. Он делил этот маленький бизнес со своим одноклассником Витькой. На самом деле, это Витька был бизнесменом. Он предложил Семёну идею. Он нашёл гараж, поставил станок и крутился теперь на снабжении, одновременно подкидывая заказы и контролируя про-

дажи. Семён же целыми днями возился с деревом и ламинатом в гараже. На жизнь хватало, и ладно.

За годы гараж превратился в уютный угол: на самодельных антресолях расположилась небольшая офисная комнатка, где помимо всего прочего стоял мягкий удобный диван и кухонный гарнитур. Даже тут книжная полка была полна пухлыми и тощими томами, – книги, которые читались в перерывах и вечерами и никак не хотели покидать гараж. Электричество, плита на баллонном газу, холодильник. Проблема была лишь с водой. Питьевую надо было приносить, а чтобы помыться – текла в ста метрах от гаража в виде широкой извилистой реки. И зимой, и летом Семёну не проблема было притащить на себе пару ведер. А в тёплый сезон так и вовсе купаться в реке.

Теперь же было лето в самом разгаре.

Так прошла целая неделя. В гараже жилось комфортно и достаточно изолированно, чтобы не попадаться на глаза опасных теперь людей. Семён запирался изнутри, раздевался, привязав к торсу широкой тесьмой своё крыло, чтобы не мешало, и без усталости работал. Надо же было как-то жить дальше, пока так, как умел. Вечером, уже ближе к полуночи, когда летний день наконец-то затухал и темнело, он пробирался к реке, погружаясь в прохладную воду почти до носа, смывал с себя опилки и пот, а вместе с ними и усталость. После живой воды тело вибрировало внутренней силой и радостью. Возвращаясь тёмной тропкой в гараж, Семён заби-

рался с ногами на диван, закрывал глаза и долго прислушивался к этим внутренним токам, пробегающим из глубины до самых кончиков плоти. Так проходил час, второй, третий. Казалось, что тело перешло на новое питание. Спалось всего пару часов в сутки, наедался он тарелкой гречки и душистой зеленью. И при этом – неизбывное ощущение легкости внутри.

Через неделю такой жизни он стал замечать, что левая лопатка его округлилась, кожа на ней натянулась и начала приятно зудеть. Что-то в глубине его плоти менялось: тянуло, гудело, жгло. Да-да, в совершенно разных местах вдруг нестерпимо обжигало и покалывало кожу. То на стопах, то на ладонях, но больше всего – в груди, искрил неведомый внутренний жар. Начиналось всегда неожиданно, и Семён останавливался, замирал перед этой, пробегающей по телу волной, прислушивался к ней. Проходило всё минут через пять. Само собой, без последствий. И Семён снова начинал работать.

А ещё, иногда ранними утрами, он, как и в первый раз, уединялся на соседних горных хребтах, откуда взгляд улетал вдаль. Здесь белоснежное крыло за правым плечом само собой расправлялось и радостно ловило ветер. И что-то щеко-тало на левой, ещё более вытягивающейся в сторону, лопатке. Семён бесцельно бродил, сидел на камнях, разглядывая город, что лежал где-то снизу. Отсюда, с вершин, – светлый и чистый. Без суеты и шума.

В душе Семёна был покой. Лишь иногда, и он это стал за-

мечать, растущее на спине новое крыло ломило и стреляло острой болью, когда он позволял себе потерять тонкое внутреннее равновесие. Когда под ложечкой скребла нечистота, а сердце чего-то боялось и сжималось от малодушия. А ещё беспокойно метался ум, потерявшийся в своих же сомнениях.

При этом он уже как-то научился управлять собой и свыкся с новым своим положением. Пока оставался один. Но стоило событиям резко измениться, или кто-то из его прошлой жизни врвался в них, как тонкая внутренняя настройка сбивалась.

Однажды, без предупреждения, в железо ворот постучали. Семён быстро накинул плащ, испуганно выглянул наружу. Оказалось – это был Витька.

– Чё, испугался? – толкая в сторону дверь и отстраняя Семёна, шагнул он в гараж. – Это всего лишь я.

– Ага, – не зная, как быть, ответил Семён.

– Я тут заказ привёз. Обсудить детали надо, материалы обсчитать. Чё это с тобой?

Витька замер с круглыми глазами, глядя на нелепый плащ напарника, из-за плеча которого торчал ещё и какой-то массивный горб.

– Да... Ничего такого... – мялся Семён, легко поведя плечами, но пряча от Витьки глаза. – Я просто спину тут надорвал случайно. Вот... компресс себе сделал лечебный.

Он врал, и ему было больно. Он даже поморщился, прогнув на секунду спину. Получилось натурально, как будто спина была действительно травмирована.

– Такой большой компресс? – удивился Витька. – И чё, помогает?

– Ну, да, – немного показушно повёл плечами Семён и снова поморщился от неприятных ощущений за спиной.

– Первый раз такое вижу, – качнул головой партнёр.

– Так, в сети нашёл. Дедовский способ.

– Оно и видно, что дедовский, – усмехнулся Витька. – Ладно! С этим понятно. Работать сможешь? Надо делом заняться.

Витька всегда был деловитым парнем, и детали изменчивой жизни ему были интересны только лишь в контексте его целей. А все его цели в текущий период времени должны были гарантировать денежный доход. Семёну он без устали повторял, что их бизнес проходит важный этап становления, когда важен устойчивый рост и денежные потоки, постоянные вложения в развитие. А ещё, у него появилась семья, и они с женой Анькой сразу же стали думать о детях.

Семьдесят процентов прибыли Витька забирал себе. Для Семёна это казалось вполне справедливым распределением их выручки. Он никогда и не спорил. В конце концов, его работа ему виделась простой и понятной. А вот то, чем занимался Витька, казалось чересчур гнетущим.

– Короче, тут новый заказ нам дали на пробу. Справим-

ся, обещали долгосрочный договор заключить. Так что, понимаешь, какая ответственность?

Семён кивнул.

– Молодчик! Гляди давай.

Витька раскидал свои листы по раскройному столу и долго объяснял нюансы чертежей. Закончили они примерно через час. Витька тут же сорвался на базу закупаться, а Семёну поручил продумать последовательность изготовления деталей и необходимую фурнитуру.

И закрутилось. Целую неделю Семён почти не выходил из гаража. Дважды в день наезжал к нему и Витька. Один раз даже спросил: «не отпустила спина-то?». Семён только головой мотнул, делая вид, что занят.

Он работал без устали. С неведомой дотоле силой. Быстро и чётко. Даже как-то жадно, соскучившись по той ясности, которую эта сила дарила. Да и всё равно, делать больше было нечего. Только каждую ночь, он всё дальше уходил в своих внутренних мирах, в которых и свет, и звон, и сладость сливались для него в чудесную музыку радости и полноты. Не за что ухватиться, а всё равно, чувствуешь себя живым и настоящим. Короче, длящееся бесконечно одно мгновение счастья.

И ещё, в одну из ночей в небе засветился тонкий острый надрез, – серпик молодого месяца. И из него полился мягкий свет. Этот свет волновал сердце Семёна с каждой ночью всё больше, пока месяц рос и расширялся.

Росло и крыло за левым плечом. Быстро, как луна. И скоро, оно почти сравнялось с правым, и теперь набирало мощь и объём.

Так прошёл месяц. В последнюю неделю Семён доделывал всякие мелочи по заказу, собирал готовые изделия. Витка приезжал только загрузить их в фургон и увезти в неизвестном направлении. Обещал скорую зарплату. Был доволен, как никогда.

Когда заказ был окончательно готов, – почти в два раза быстрее, чем планировалось, – Семён решил устроить себе целый день отдыха. Ранним субботним утром, когда солнце уже поднималось из-за хребта, а в городе все ещё мирно спали, он запер гараж и пустынными дворами пересёк жилой район. Поднырнул под теплотрассу за моргом, вошёл в сосновую солнечную рощу. Там сбросил плащ, распустил тугую тесьму, сжавшую крылья. Вздохнул полной грудью.

Природа была неизбывным источником воздушной лёгкости и силы. Семён впитывал их, поднимаясь по склону к вершине. Когда до неё оставалось совсем немного, он вышел на жаркую полянку и, вдруг остановившись, огляделся. Вокруг не было ничего застывшего, – летело всё: кроны больших сосен, лёгкие облака над ними, пушинки и букашки, скалистый склон, врезающийся в синее небо, радостные птицы на его фоне и солнечный свет. Ему тоже захотелось лететь. Это чувство появилось как-то внезапно, скорее как новая потребность в существовании. Жаждой скорости и вы-

соты.

Он взмахнул для пробы крылами и почувствовал их подъёмную силу. Потом рванул ещё раз и сразу взлетел на два метра над травой. Пришлось поучиться равномерно махать, чтобы хоть как-то сохранять ровное положение. Но какой вдруг азарт и восторг охватил душу!

Потом ещё часик понадобился, чтобы суметь сделать плавные повороты. Приходилось с усилием работать всеми мышцами тела, непривычными к таким нагрузкам. Ловить баланс руками и ногами.

Когда Семён немного осмелел, он поднялся над кронами сосен, сравнявшись в воздухе со скалистой вершиной хребта. Пролетел вдоль неё, приближаясь и отдаляясь от щербатой, светящейся в солнце стены. А потом плюнул на свои страхи и рванул прямо вверх к облакам. По-другому он уже не хотел. Крылья сами тянулись ввысь.

Целый день Семён носился над белой пеной, временами врезающейся в лицо мелкой моросью. Потом вновь вдоль верхушек деревьев, медленно паря и привыкая к новым ощущениям. Когда мышцы уже ломило от усталости и тело тяжёлым камнем тянуло к земле, начало темнеть. Семён развалился на уступе скалы, провожая румяное солнце, падающее к закату. Отдыхал.

До самых глубоких сумерек он не хотел подниматься с земли, хотел даже остаться тут на ночь. Но всё же встал, накинул плащ и поплёлся в сторону города. Лететь сил уже не

было.

В городе он неторопливо шагал окружённой низким кустарником аллею. На очередном повороте с боку неё он вдруг заметил сидящего на скамейке гнома. Того самого: городского сумасшедшего. Мелкой дрожью тряслись обе его коленки, а пальцы рук побелели, сжимая крашенные доски сидения. Но при этом, губы были растянуты в сладенькой улыбке, а глаза цепко следили за приближающимся Семёном.

Семён замедлил шаг, проходя мимо. Не понимая ещё, правильной ли будет реакция гнома, впервые заговорил с ним:

– Привет.

– Приветик! – хихикнул гном. – Куда летишь?

– Домой, – не задумываясь, ответил Семён. – Иду.

– Откуда?

– С хребта.

– Чё, тут, что ли, хуже?

– Сложнее.

Получалась какая-то детская игра в допрос.

– Чем сложнее то?

Семён усмехнулся:

– Нудная пьеса – эта жизнь.

– Весь мир – театр, а люди в нём – актёры, – неожиданно процитировал гном.

– Тогда это ещё и бездарная какая-то пьеса, – уточнил Семён.

Диалог развивался и становился чуть более осмысленным. Но гном вдруг вскочил и с горящими глазами воскликнул:

– Да! Это раньше было: «весь мир – театр»! Теперь, – гном скрючился перед Семёном и визгливым противным голоском, крутя растопыренными пальцами прямо у его лица, запел, – Жизнь – это, – резкий хлопок в ладоши, – кабаре, дружок! Жизнь – это ка-ба-ре!

И повторяя одну эту фразу из старого мюзикла, он начал бешено кружиться. Потом вдруг замер, упёршись взглядом в глаза недоумевающего от этого представления Семёна, и, отведя руку в сторону, показал пальцем куда-то вверх:

– Смотри.

Семён повернул голову в сторону руки, которая простёрлась к верхним этажам соседней многоэтажки. Там, в оконных отсветах сумеречного воздуха, двигался силуэт человека, цепляющегося за парапет балкона. С наружной его стороны.

– Он же сейчас упадёт! – прошептал Семён скорее сам себе.

– Ага, – осклабился гном, жадно следящий за его реакцией, и даже не смотревший ввысь.

Больше нельзя было ждать. Семён резким движением сбросил плащ и расправил крылья, отчего гнома отнесло далеко в сторону. Потом мощным толчком он рванул над

асфальтом и, махнув белыми всплесками света за спиной, взлетел.

Через три секунды он уже завис в полёте рядом с толстым пузатым мужиком, упорно пробирающимся по кромке балкона в сторону такого же, соседнего.

– Держись! – воскликнул Семён.

Мужик испуганно обернулся, глаза его округлились от неожиданности, рот открылся, а руки вдруг разомкнулись, закрывая лицо. Коротко шаркнув по краю бетона, он полетел вниз.

Семён вжал крылья в спину и камнем упал за ним. В две секунды настигнув летящего, он обхватил его обеими руками.

– А-а-а-а-а-а!!! – завопил вдруг тот, до этого падающий в полном безмолвии. В ноздри Семёна ударило ядовитыми испарениями алкоголя. Руки его от этого сомкнулись ещё крепче, и возглас мужика захлебнулся в сжатых лёгких, оставшись лишь скрипучим стоном.

Семён медленно опустился на освещённый асфальт перед подъездом и ослабил хватку. Мужик рванул в сторону и упал на цветочный газон, перевалившись через скамейку. Оттуда он, с коротким возгласом «Изыди!», метнул первое, что попало ему в руку: увесистый кирпич ограждения клумбы. Чиркнув по плечу Семёна, кирпич разорвал тонкую его кожу, и красноватая пыль на плече стала медленно намочать сочившимися из раны алыми каплями.

– Ты чего? – Семён недоумённо посмотрел на спасённого им мужчину.

В руках того вдруг блеснул маленький ножичек, и он рванулся вперёд с трусливым рёвом:

– С нами бог!!!

Семён в последний момент перед ударом упруго оттолкнулся от асфальта и взмыл в воздух. Пролетел над густыми, тяжёлыми в сумеречном свете кронами деревьев. Хотел было взмыть в небо, чтобы уже без остановки на окраину, к своему гаражу. Но вспомнил, что был в плаще, который теперь валялся где-то на глухой аллейки. Полетел, забрать его.

Плащ, аккуратно свёрнутый, лежал ровным квадратом на скамье. Концы его пояса были изящно завязаны в большой бант поверх всей стопочки. А рядом – жёлтые звёздочки только что сорванных цветков одуванчиков. Маленьким букетиком.

«Этот сумасшедший гном постарался, – подумал Семён. – А может и не такой он сумасшедший, а только прикидывается? Как-то всё странно состыковалось».

Разбираться было некогда. Где-то рядом нервно стонал пьяный мужик. Взлетев повыше и подальше от глаз случайных прохожих, Семён круто спикировал к земле только у ворот своего гаражного жилья.

Всю душную ночь он пролежал, уткнувшись в мокрую подушку, вялыми белоснежными крыльями разметая пыль по

полу. Он пытался понять.

«Кто же я? И куда всё это заведёт? – думал он. – Я не чувствую себя ангелом или демоном. Но и человеком называться уже не могу. А в глазах других я буду лишь непонятным чудищем из чужого мира».

Взгляд пробежал по корешкам знакомых книг на полке. Разве они могли ему рассказать о таком? Разве подготовили, сказав, как теперь быть?

Его терзало одно чувство, которое осталось от встречи с пьяным мужиком. Нет, не обида, не злоба. Безнадёжная пропасть пустоты. От того, что, в первый может быть раз, он показал себя таким, какой есть, в надежде сделать что-то хорошее. Но вышло так, что лучше бы прошёл мимо.

Ещё этот гном, как специально всё подстроивший.

Он толкнул его к этой пропасти.

В одно мгновение ему сильно захотелось найти сумасшедшего и потребовать все объяснения, вытрясти все ответы. Но потом он испугался, что чужие ответы ещё больше запутают его в этой новой безумной реальности. То чувство, когда кажется, ещё чуть-чуть и что-то внутри переломится.

Следующей своей мыслью он с тоской пожалел о том, что его маленький и слабый прежний мир, усеянный тысячами компромиссов, но примиряющий его с собой, уже не вернуть. И, вспомнив о своём прошлом, он вдруг с ошеломляющей ясностью осознал, – ему уже нет места в том мире.

Два дня он не выходил наружу, проваливался в мучитель-

ную дрёму, снова открывал глаза, тяжёлым взглядом упираясь в бетонные перекрытия потолка над собой. Он не пил, не ел. И, кажется, не думал. А только чувствовал в груди кро-воточащий надрез на тяжёлом, как камень, сердце.

Через два дня рана внутри загрубела, и огромный рубец отгородил сердце от мира вокруг. Будто, натянувшись, порвалась последняя связь. И болеть перестало.

Подняться с постели его заставили настойчивые удары в железо ворот. До него долго доходило эхо этих звуков, но потом он всё-таки поднялся, с трудом нашёл плащ, который валялся тут же у кровати. Распустил большой бант, всё ещё стягивающий пояс поверх свёртка, – нелепое напоминание о безумном гноме. Натянул на себя холодную ткань.

– Ты чё, умер? – Витёк ввалился внутрь, когда дверь открылась.

Не глядя на друга, он бросил стопку бумаг, на стол:

– У нас заказ от предыдущих клиентов! Им понравилось! Они ждут готовые изделия в те же сроки, но чуть большим объёмом! И мы должны постараться. Мы же справимся?

Тут Витька посмотрел на Семёна.

– Ты чего такой коричневый? Болеешь что-ли? Слушай, нам шас никак нельзя болеть. Это такой шанс, который мы ждали, может быть, последние десять лет.

В ответ – молчание. Семён никак не мог понять, что значит это «мы ждали» и «мы должны».

– Спиная что ли не прошла ещё? Слушай, ну я ещё кого-нибудь найду тогда в помощь. Но без тебя никак не справиться, понимаешь?

Семён посмотрел на него и качнул головой, проямлив сухими губами:

– Я попробую.

– Ну вот! Главное, давай, – держи меня в курсе! – Витька ещё раз сострадательно посмотрел на Семёна. Не долго.

Потом он быстро дал указания по чертежам, и бодро махнул рукой на прощание. Его будущее многообещающе улыбалось ему.

Семён честно старался работать.

Получалось медленно, потому что всё теперь стало бессмысленным. Вся эта суета. Всё это будущее.

В одну из ночей он, как обычно, погрузился в холод стальных волн реки, освещённых полной луной. И застыл, заглядевшись в её чистые глаза. Раньше он, может быть, сладко плакал бы, рассказывая этому мягкому свету все свои печали. Ведь плакать луне легко. Она примет всё молча, безответно. И раньше ему этого хватало. Но не теперь.

Где-то в глубине он стал догадываться, что небеса всегда отвечали, языком, которое ухо не слышит, а разум не понимает. Другим языком, который поймут лишь те, кто отрезал себя от грубого мира.

Молчанием. Оно теперь обретало для него всё больший

СМЫСЛ.

И оно звало его ввысь.

В просвете проплывающих обрывков ночного марева он увидел нездешнее мерцание, которое звало подняться. И он знал, что если это произойдёт, назад он уже не вернётся.

Нет, он не звал эту новую свободу, не знал о её существовании раньше. Она родилась сама на осколках его прежней личности. И порывисто прорвалась в жадных глотках воздуха, которого стало уже не хватать ему нынешнему. И этот вдох заставлял сделать новый выбор.

На следующий день, когда подъехал Витька, Семён уже ждал его в разлитом солнечном свете у ворот гаража. Витька удивлённо встал перед ним:

– Что-то случилось?

– Да ничего страшного, – ответил Семён спокойно.

– Уф, – облегчённо выдохнул Витька, – я-то подумал уж.

Он расправил плечи и улыбнулся.

– Я не смогу закончить работу над заказом, – тут же проговорил Семён.

Витя на минуту застыл. Потом расплылся в ещё большей улыбке:

– Сёма, без ножа режешь.

– Вить, я не смогу закончить работу над заказом, – твёрдо повторил Семён.

Лицо Вити посерело. Он судорожно затеребил свою одеж-

ду.

– Ну, как же? Может нужно что-то? Может помощь всё-таки найти? Слушай, я сверхурочные тебе начислю. Только не бросай меня сейчас.

Семёну вдруг стало тяжело стоять под палящим солнцем и слушать Витькины причитания. Напарник же, наоборот, заметался из стороны в сторону, судорожно соображая, потом снова принялся жалобно уговаривать.

– Витя, я... – начал было Семён, потом осёкся, отведя глаза: – Ты не поймёшь.

– Я пойму, Сёма, пойму. Скажи, что не так! – возбуждался Витька.

И с такой тягостной внимательностью посмотрел в глаза Семёна, что того аж затрясло изнутри.

А Витька вновь заметался от волнения и стал бессвязно приводить всё новые и новые доводы того, что работа может и должна быть закончена. От потребностей его новой семьи, до обязательств, которые должен исполнить каждый честный человек.

Это было уже невыносимо.

Семён не мог уже сдерживать внутренний порыв. Крылья за спиной распирали натянутый плащ так, что тот трещал по швам.

Он запрокинул голову лицом в яркие небеса. И отбросил все сомнения.

Пора!

Вцепился сжатыми кулаками в лацканы на своей груди и рванул изо всех своих нечеловеческих сил руки в стороны. Плащ разлетелся в клочки, закружившиеся на ветру.

Два огромных белоснежных паруса раскрылись за его плечами.

Семён торжествующе улыбнулся. А взгляд его стал таким пронзительным и нездешним, что Витьку отбросило к раскалившейся от солнца стене, где он вжался в ребристость кирпичной кладки.

Ангел перед ним, с того же места, где стоял, рванул, рассекая воздух, вверх. Свободный, наконец. Счастливый и неудержимый. С крыльями Света! С крыльями Радости!

Новый ангел у стоп Всевышнего.

И – Бог в Его Сердце.

Небесная грань.

Каждый сердцу Всевышнего – Бог. И он обречён на любовь Его. Потому что в ней рождён, хоть и забыл о том. Но ему вдруг неожиданно это напомнят. Да так, что другого выбора уже не будет. Потому что такие правила игры, где в один момент ты – Игрок, в другой – просто игрушка. И так было задумано.

Люди мало что могут знать о Всевышнем, но вот любовь способны пережить вселенскую. Поэтому мы не ведаем замысла творца, если он вообще есть? И не всегда прозреваем

в глубь путей, которыми этот замысел играет с нами? Зато мы можем стать частью этой игры, если настроены любовью сердца.

В самом слабом из нас вдруг прорвётся сила встать над обстоятельствами, ломающими сильнейших. Слепой, оказывается, видит дальше и глубже. Тихий и невзрачный – управляет неожиданно свои крылья.

Кто самонадеянно решает отказать в праве быть значимым одному, а другому – пророчить величие? Только глупец и невежда. У которого внешности затуманивают взгляд во внутрь.

Небеса творят свои пути. Небеса прорываются в земном, разрывая жёсткую корку асфальта в мелкие трещины одной лишь травинкой. Другие пройдут, растопчут. А она смиренно отдаст свой тонкий аромат в прощении как в ответ на их несправедливость и вновь потянется к солнцу. Небеса зовут её. Ей не нужно сравнивать себя с кем-то, доказывать что-то, беспокоиться о своих слабостях. Ублажать глупцов и невежд ярким разноцветьем. В ней трепещет зов, что вытягивает её жилы ввысь, к небесам. И небеса отвечают ей.

Так и человек. Как часто он сам не знает, в чём свят. Проживает свою маленькую жизнь. Но приходит час, и небеса прорываются во всей своей власти, и ты уже не можешь жить собой прежним. Приходится учиться новому. Новому себе. У нового себя. Новым собой.

Как хорошо, что небеса, врезаясь в маленькие жизни ло-

мающими их мир опытами, несут в себе и благоухание открытий, что и примирят, и научат, и возвысят. Прислушайся в час сотрясающей мир грозы, в воздухе – очищение и лёгкость. Аромат небес.

Гроза – благо. Пусть молния лизнёт мир! Вспышка боли быстро лечится. И всё разрешится улыбкой радуги и восторгом новой жизни.

Так вот, человек – родом с небес и в какой-то момент открывает в себе свои небеса. Всё остальное – преходяще, уходяще и ненастояще. Корка асфальта, что нужно вскрыть, чтобы добраться до сути.

А суть эта проста: уметь летать. Может даже и живя среди асфальта.

Потому что, говорят, Небеса внутри. Но не уточняют, что они только внутри.

Душа

В разгар весны, когда взбудораженные внезапным теплом птицы смелее залетали всё выше в прозрачное небо, ещё выше их, прямо под облаками, скользило лёгкой струйкой прохладное дуновение. Невидимый в солнечной синеве ангел медленно ловил крыльями восходящие от земли тёплые потоки.

Над ним белела пена невесомых туманов, сглаженных вет-

рами. И особая весенняя прозрачность воздуха, что струилась вплоть до бесцветья космоса. На земле же, в тенистых низинах, – белёдые островки оплавленных солнцем влажных снегов. Их оставалось совсем немного. В основном земля уже оголилась, готовясь в скором времени прикрыться новым зеленым убранством. Всё готовилось воспрянуть и бурно выплеснуть свой восторг в мир, что в который раз уже обновлялся.

Мир дышал мечтами обновления. Дни прирастали светом щедрого светила, стремясь воплотить все его надежды. Ангел дышал этими радостными мечтами.

И даже в ночи, когда на земле всё затихало, мечты снились, мечты баюкали. Сны светились тонкими огоньками и радовали взор ангела.

В ночи время переставало существовать даже для земных обитателей. Тишина небес мягко проникала в сердца людей. И ангелу легко было видеть незамутненные мельтешением убегающих мгновений их души. В каждой – бесконечность.

Души светились, складывались в созвездия, покрывали землю ковром ярче ожерелий городских уличных фонарей, пели тонкими лучиками, трепетали. Так же, как высоко в матово-чёрном небе прорезали пространства светом далёкие звёзды, рождающие иные миры и иные мечты-сны.

Уже почти три года прошло с тех пор, как ангел впервые взлетел.

Он напитался светом, научился по-новому видеть мир, по-новому жить в нём. Ах, эти радостные уроки! Когда следуешь внутренней потребности и никому ничего не должен.

Полёт становился всё более искусным и чем-то напоминал тонкое общение гибкого тела с плотным воздухом и прозрачным светом. Ловя их каждым перышком ангел танцевал с облаками, всё выше забираясь в разряженное пространство поверх них. Туда, где воздух уже не держал. И нужно было ловить струи света, которые звенели как хрустальные струны эоловыми своими переливами. Музыка тонкой радости.

Она открывала новые гармонии, по которым настраивался мир. Утончая внутренние вибрации, манила и очаровывала. И космос, проступающий за тонкой пеленой дымчатой голубизны, уже не казался чёрной пустотой. То, что люди называли тёмной материей, наполняющей вселенную там, в бескрайних просторах, радужно гудело миллиардами цветов за пределами спектра восприятия человека.

И всё же, земля была родной колыбелью, дышала теплотой и мягкой материнской песней. И надолго покидать её совсем не хотелось. Столько новых встреч и открытий! Только лети и ...

В одну из ночей что-то толкнулось в сердце ангела. Неясный зов, забытое прошлое, неисполненный долг. Зов настолько слабый, что трудно понять, откуда он. Ангел спустился ближе к земле, прислушался к своим чувствам.

Скользя над городами, искал место, над которым что-то должно было откликнуться внутри. Летел ночь, день, и снова ночь. И вот, наконец, ранним утром он услышал толчок этой бессловесной мольбы чуть ярче. Он увидел внизу стремительно летящую по улице маленького города фигуру человека, чья душа страдала.

Спустился ниже, завис над крышами. И вспомнил родной свой город, который всплывал теперь из прошлого.

Внизу – гном, городской сумасшедший, давний его знакомый. Поседевший ещё больше, согнувшийся ещё ниже. Как и прежде, гном стремительно шёл, подавшись всем телом вперёд, и не падал только лишь потому, что его короткие ножки нервно семенили, ловя частыми судорожными движениями грузное округлое тело.

Он снова спешил. Прохожие перед ним расступались. Он, не замечая их, стремился в никуда, жаждал итога, к которому никак не мог придти. Теперь ангел это видел. Видел жгучую потребность спешить и отсутствие цели, которая бы разрешала эти каждодневные усилия. Только страдающей душе могла быть уготована эта участь. Но что было тому причиной? – ангел ещё не видел.

Он мягко опустился ниже. Невидимый, невесомый. Поравнялся со спешащим по проспекту гномом, и тут заметил светло серый лоскуток, торчащий из нагрудного кармана чёрной кожаной его куртки. Он узнал хлястик старого плаща, на котором на слабой истончившейся нитяной нож-

ке болталась большая коричневая пуговица из дешёвого пластика. Тот самый плащ, которого теперь уже не существовало. Когда в последнюю встречу с гномом Семён сбросил с себя этот плащ, гном почтительно отнёсся к нему. И вот теперь, он все три года носил этот жалкий кусочек с собой.

С каждым нервным шагом пуговица вздрагивала и билась в чёрную кожу гномьей куртки. Прямо в грудь, из внутренней пустоты и плача которой взывала теперь к небесам слабая душа.

Ангел приблизился, стремясь заглянуть в лицо. И в этот момент гном будто почувствовал что-то. Шаги его замедлились, он посмотрел невидящими глазами в пространство перед собой. Остановился.

Ангел стоял прямо перед ним, сокрытый от поверхностных взоров. Но гном его не видел.

Со стороны, для идущих мимо людей, неопрятный, седой человек в рваной поношенной куртке, просто внезапно впал в ступор прямо посреди тротуара. Он вызывал и брезгливость, и недоумение, выбиваясь из общего потока идущих по своим делам прохожих. Никто не хотел прикасаться к этому.

Ангел заглянул в глаза. В их глубине пеленой насторожилась чёрная бездна. Угрожающая, слепая, безумная. Хаос, расширяющийся плотными волнами в пустоте.

Там – в этой бездне – душа слабым огоньком мерцала в её объятиях. Окутанная видениями и голосами из прошлого.

Ангел прислушался к ним. Позвал их.

Голоса зазвучали явственнее.

– Безумец! Ты сделал из жизни врага. Ты никогда не получишь от неё подарка.

– Я всё возьму сам.

– Смирись и преклонись. У тебя нет сил.

– Ложь! Вся сила в этом кулаке.

Удар! Первая кровь.

– И в этой стали!

Другой – пронзительный, поющий металлом, звенящий удар.

Брызги красного на пальцах. Горячие, жгучие.

И снова темнота.

В ней – новые голоса и видения.

– Покайся.

– Мне не в чем каяться.

– Прости.

– Меня не прощали.

– Тебя ждёт ад!

– Страх – удел слабых. Я уже в аду, и вот – я живу в нём и смеюсь! И вы рядом со мной – так почему же боитесь и

плачете?

Жгучий смех!

Снова темнота.

В ней – плачь.

– Почему? – женский стон прорезал мрак.

– Я беру то, что хочу!

– Не надо!!!

Волны мрака.

Сомнения.

Безжалостные слова.

– А как же люди? Ты – среди людей.

– Мне без разницы. Пусть берут своё. Если смогут...

Видения быстро сменяют друг друга. И вот – толпа вокруг. Все кричат. Сильный голос покрывает гул собравшихся.

– Бог отвернулся от нас. Теперь молятся лишь сумасшедшие, которые готовы стать рабами из жалости к себе и своим мелким жизням. Я пробужу хаос! Он – наше спасение. Он даёт новую свободу! И возвращает назад отобранную бессильной моралью силу для борьбы за нашу веру. Я хочу при-

вить вам хаос! В хаосе разрушится ваше самодовольство. И ваш бог, придуманный этим самодовольством, умрёт!

Рёв в ответ. Восторг, что овладел умами. Одержимость пьянит.

– Не зовите справедливость, – станьте безжалостны! Излейте свою ненависть, ибо ваша ненависть – это тоска по другому берегу! И вот – чёрная туча над вами! Молния ищет вас! Она лизнёт вас, и погибнете вы! Но не умрёте, а станете чем-то большим над собой, если жаждали страстно.

И вот – война. Чужая боль. Первозданный хаос затопил слезами мир, который будет разрушен. До оснований! А затем – собран из кусочков наново. Новый мир!

Мощно и страстно.

Властно!

В одном порыве, как по команде, крик толпы: Heil!

Голос покрыл её рёв:

– Я для вас предвестник молний и тяжёлые капли из туч. И та молния – Новый Человек! Только лучшие, свободные от слабостей любви и жалости, выживут. Отдайтесь великой безжалостности цели и победите! Через медлительных и нерадивых перешагну я. Пусть будет моя поступь их гибелью!

И снова гул толпы.

– Да! Я вор! Но я хочу крови, а не грабежа! Кровью настоящего я напишу новые истины! Я жажду крови! Я жажду счастья ножа!

И снова мрак. Бессилье и злоба. Во мраке – кружение других видений.

Руки связаны. Земля – грязная жижа под щекой. Толпа вокруг.

– Будьте прокляты! Я смеюсь вам в лицо – видите! Вы жалкие черви, не достойные даже смерти. И вот – будете бесконечно ползать в своей слепоте!

– Заткни ему пасть.

В волосы на затылке резко цепляются чьи-то пальцы. Холодная сталь обжигает горло. На улыбающихся губах брызги ярко-алой слюны. И чернота заливает весь мир, пульсируя струями из разорванных сосудов.

И наконец – тишина.

Голоса стихли. Видения стёрлись. Всё исчезло.

Ангел приблизился к мерцающей звёздочке во мраке. Оглядел бесстрастно колыхание безликой мглы вокруг неё. Тихо прошептал в черноту, легко и ясно:

– Ты, наверное, думал, что сможешь украсть и у бога, и

у чёрта? Но. Бог уже всё отдал от себя. А чёрт – тот более искусный вор, что крадёт добычу у любого другого вора, а с ней – и самого вора. Ты всё понял как оправдание своего презрения к жизни. И удобно приладил это к гордыне самолюбования. Говорил о Новом Человеке, а лелеял старого. Говорил, что не умрёшь. И вот – не умер, но лишился искры бесконечной жизни, что выше всего: и тебя, и любой идеи в твоей голове. Не обрёл мудрость, но потерял и тот маленький разум, которым можно было бы понять смысл твоего безумия. Бедный. Обманутый своим же сердцем, что доверилось страсти.

Ангел качнул головой. Что ещё он мог сказать?

– Ты заигрался с хаосом. Столь непочтительно, столь надменно! И он поглотил тебя в ответ – единственный его дар всем своим слугам. Хаос расщепил твой мир, оставил тебя во тьме того, что ты жаждал превзойти и над чем – вознестись. Где ты теперь и куда идёшь?

В ответ тихим словам ангела гном забормотал, губы несмело и невнятно вытягивали слова из утробы. При этом мимо проходили считающие себя нормальными люди и, услышав бессмыслицу его бормотания, с недоумением оборачивались, тут же быстро отводя взгляд от стеклянного взора умалишенного. Одна бабулька прижала идущего рядом малыша к себе, прикрыв его своим телом, словно предупре-

ждая тем все свои страхи, и быстро увела подальше. И лишь двое подростков, чистенькие, болтливые, вдруг одновременно замолчали и стали завороженно тарашиться на гнома, проходя мимо и чуть ли не обернувшись в его сторону в конце.

– Что это он бубнит? – спросил один другого.

– Да, какой-то «мурамур», – ответил второй.

– Дурачок.

– Мудачок, – снова развеселились они.

По-другому и не умели.

Только ангел всё слышал. И понимал.

– Mutabor, Mutabor, Mutabor! – гном заклинал и давал новое обещание, древний язык сам прорвался из глубин памяти веков. Покрасневшие глаза гнома увлажнились.

Ангел улыбнулся, предвкушая развязку. Что-то должно было измениться, он это чувствовал. Что-то уже менялось. Пришёл срок, и новое жаждало прорваться в настоящее. Прошлое отмирало, сполна поживившись грехами, неосторожными мыслями и безудержными страстями. Пресытившись, оно, наконец, отпадало, как переполненный кровью живой плоти клещ. Судьба ему теперь – сгореть. И благостное пламя это родит искру будущей надежды на искупление.

Ангел прошептал:

– Я предчувствую новое. Свободное от отрицаний про-

шлого. Не связанное призраками боли.

Он приблизился, всмотрелся в глубину черноты, разорвав взором пелену забвения, в которой блуждала маленькая одинокая душа. Он подарил ей одну лишь ясную свою улыбку. И почувствовав это тепло, душа встрепенулась, ожила, потекла сияющим потоком.

– Mutabor – веки безумца дрогнули. Одинокая капля, наконец, прорвалась и скользнула по щеке.

Ангел плавным парением воздуха посторонился, открыл путь перед гномом, и тот сделал первый шаг. Потом второй. Медленно побрёл он в потоке людей, всё яснее и внятнее заклиная:

– Mutabor!

Ангел неотступно двигался подле, ожидая неизбежного. Когда мосты позади сжигают, миры, из которых они проложены, умирают для человека. Или человек – для них. Ненужный и будущему, потому что оно соткёт нового его для грядущих опытов. Так заведено. В изменчивом мире. В играющем с нами мире.

– Mutabor!

Безумец обессилено брёл, тоже предчувствуя развязку. Как же он долго шёл, как же он устал, как же он пуст теперь и смиренен. И как же хорошо это было! Только таким нужно прощаться с прошлым и открываться будущему: усталым, пустым и смиренным, иначе и не разглядишь нового шанса, которое оно может подарить вместе со своим приходом.

Шаг его всё замедлялся, наконец, он сошёл со своего пути, прислонился к старой липе, что только собралась задышать в мир пьянящим ароматом беспечной невинности и радостного обновления. Потом сполз вдоль её ствола на разгоряченную дневным солнцем землю и прошептал, улыбаясь:

– Mutabor...

Затих. Обмяк. Выдохнул.

Ангел был свидетелем тому, находясь поблизости. Он не отошёл от гнома, привалившегося к дереву, весь последующий день, потом и всю ночь, пока на утро к остывшему уже телу не подошёл старичок с тросточкой, выгуливающий мелко трясущуюся в утренней весенней прохладе собачонку. Старик окликнул несколько раз, протянул руку к шее мертвеца и тут же одёрнул, задев холодную плоть. Уже скоро появилась машина полицейских и железный фургон, из которого выпрыгнули двое молодых парней и крепкими безжалостными руками водрузили тело на носилки. Бодро вкатили их в свой транспорт и уехали. Полицейский, не отпускавший старичка к его утреннему кофе до последнего, наконец, сделал всё необходимое в своей нерадостной работе и тоже укатил.

Последним печально укувылял задумчивый старичок с замёрзшей собачкой. Её ожидал тёплый плед на старинном кресле, его – густое горячее кофе, терпкое, без сахара. Ему надо было чем-то покрыть, согреть эту прицепившуюся к

нему стылость, что ещё жгла кончики пальцев. Да, тело, что он нашёл этим утром, уже увезено из его мира и теперь навсегда будет предано забвению. Только вот, старичка в это утро никак не отпускало и сильно беспокоило это короткое слово – «навсегда».

Ангел стоял посреди улицы, по которой спешили люди по своим утренним делам, и вспоминал позабытую жизнь среди них. В их толпе легко почувствовать себя ненужным. Это было и тогда, осталось и теперь.

«И это всё?» – подумал он, стряхивая со своих плеч тяжёлые вериги прошедших веков, что ему привиделись, – «всё, что должно было случиться? Неужели в этот весенний солнечный день главным опытом будет опыт смерти?»

Ангел медленно поплыл вдоль проспекта, приглядываясь. Бодрый апрельский холодок медленно согревался поднявшимся над домами солнцем. В силуэтах этих домов ангелу привиделась его прежняя печальная судьба. Этот город не мог пока отпустить. Он напоминал каждой своей чёрточкой что-то ещё, неисполненное, невнятное. Ангела звала чья-то жгучая боль и неразрешенный вопрос. Неясный пока.

Вот горделивые торговые центры, рядом с которыми когда-то ютились шатры шапито. Площадь между ними теперь закатана в асфальт, превращена в чистое пространство для рыкающих автомобилей, заполняющих ровными рядами си-

яющий светло-серый глянец. Через дорогу – грязно-жёлтые стены домов, из узких проходов между которыми люди спешат, сбегая из домашнего уюта ради необходимости работать. По собственной воле или по чужой – не имеет значения.

Город окончательно проснулся. Загудел.

И вдруг, ангел замер. По тротуару навстречу ему шёл мрачный сутулый Витька. Друг. Партнёр, никогда не унывающий прежде. Как он изменился теперь!

У поворота дорожки он остановился на миг и неуверенно повернул к чёрному фасаду двухэтажного строения, рядом с которым замер и ангел. Стены того строения были покрыты керамическими, черноты глянцевого обсидиана, плитами огромных размеров. Здание возвышалось мрачным кубом и презрительно блестело в сторону улицы холодными бликами отраженного солнца. Три лестницами зиккурата массивно выпирало высокое крыльцо. Над ним – серебро огромных букв: бар «NEBESA». Единственный в городе круглосуточный бар, которого три года назад даже не существовало. Теперь же блестящая вывеска горделиво заявляла о себе, будто претендовала остаться тут на века.

Витька ступил на первые широкие ступени, тяжело поднимаясь вверх, и тут в его кармане весело завопил телефон. Витька остановился, вытащил его на свет, приложил неоновым экраном к уху:

– Ало.

Из телефона летящим почти детским бормотанием заструилась женская речь. Можно было, чуть прислушавшись, разобрать слова даже со стороны:

– Привет! Ты идёшь домой? Мы уже ждём тебя! Купи памперсов упаковку, молока, масла сливочного. Леночка уже проснулась, завтрак требует.

– Ага, – голос Витьки чуть посветлел в ухмылке, но потом снова обесцветился: – Буду скоро. Пока.

Он, опуская руку, остановил экран телефона перед собой и нажал пальцем на кнопку, погасив дисплей. Сунул руку в карман.

Потом поднял глаза, сощурившись от блестящих бликов, бьющих в лицо. Долго посмотрел на прозрачную дверь в бар, за которой, играя, переливалась беспечная иллюминация и доносился однообразный бит. Вздохнул и повернул назад. Медленно спустился с лестницы. Вышел на широкий тротуар и направился прочь от бара.

Ангел медленно, невидимый в прозрачном и лёгком солнечном воздухе, скользил за Витькой. Только сейчас он заметил, что на нём была форменная чёрно-синяя куртка какой-то охранной службы. Витька возвращался с ночной смены домой.

Как много изменилось в этом городе! Как изменился Витька!

Ангел не мог теперь просто улететь. Плавно скользя вдоль щербатого асфальта, он всматривался в сутулую спину Вить-

ки и понимал, что его судьба изменилась из-за него. И между ними ещё висел неразрешимый вопрос, боль от которого даже ангел чувствовал, читая сердце друга.

Тот, пройдя пару сотен метров, свернул в раздвижные двери супермаркета. Привычно прошёл вдоль рядов, накидав в корзинку товар со стеллажей, занял очередь в кассу. Кассирша знала его. Не улыбаясь, быстро проводя перед собой товар для регистрации, спросила:

– Привет! Как там Анька?

– Здорово! Нормально Анька. Вот, в магазин послала.

– Леночке? – улыбнулась та.

– Ага.

– Ну, привет им! – кассирша приняла оплату картой и махнула на прощанье Витьке.

Тот сгрёб всё в пакет:

– Ага.

И вышел в распахнувшиеся перед ним двери.

За супермаркетом расположился скверик. Кружком – низенькие скамеечки у старинного фонтана, который пока что стоял без воды. Обычно, в летние жаркие деньки, здесь полно народа. Молоденькие женщины с колясками, дети в мокрых майках брызжут прохладной водой друг в друга, подростки на роликах и скейтах. Пенсионеры тоже любят тут посидеть.

Теперь же суматоху в этом пока ещё пустынном месте

наводили лишь две деятельные молодые девушки. Они водрузили складной навес, и под новенькими яркими флагами разворачивали точку политического пикета. Одна из них, маленькая, писклявая, противным голоском кричала в проходящих мимо людей через небольшой мегафон:

– Восстановим суверенитет! Восстановим государственную идеологию! Поддержим президента!

Вторая, спокойно, но чуть-чуть неуверенно, протягивала прохожим листки газеты. Возьмут, не возьмут – её это сильно не беспокоило. Она была на работе, за которую платили.

Первая же – заведённая – без остановок говорила:

– Восстановим границы отечества! Дело – за народом! Отдай свой голос за правду!

Её снимал на маленькую камеру худощавый неопрятно одетый парень. Видимо, для отчёта. Поэтому слова вылетали даже чересчур страстно.

В Витьку тоже ткнули газеткой. Он, не глядя, мотнул головой. Газетка отодвинулась. Но писклявый голос это только раззадорило:

– Наша пассивность поощряет беззаконие. Требуем всенародного референдума! Наказать предателей, разваливших страну! Газетка бесплатная, – тут же спокойно ответила она интересующемуся старичку.

Витька не слушал. Тяжёлыми шагами удалялся от противного голоса. Ангел же на миг задержался, посмотрел на активистку. Округлое азиатское лицо, мелкие черты носа, губ,

бровей, чёрные глазки за очками в тяжелой оправе таращатся на тебя сквозь увеличительные линзы, тонкие губки быстро шевелятся, отпуская лозунги. В душе её – чувство собственной важности и ненасытная жажда заявить о своём. И ещё – вера в правоту того, о чём кричит. Она пришла говорить, а не разговаривать, потому что большие цели не оставляют времени слушать. Такие нужны политикам для продвижения идей в массы.

Ангел оставил их заниматься своими делами, нагнал Витьку, который уже повернул во дворы, направляясь к своему дому. Тут всё было по-старому. Единственное, что бросилось в глаза, – это обрубки толстенных тополиных стволов, стоящих по периметру квадрата двора и лишенных зелёных крон. Теперь двор выглядел пустым, зеленеть было нечем. Высокое солнце заливало всё пространство и ослепляюще отражалось от стен и окон.

Это ангелы могут видеть живой свет и ветер, такими, какие они есть. Для человека же невидимое должно коснуться видимого и, отразившись в мир под разными углами, переливаться во множестве форм, расцвечиваться оттенками, углубляться тенями. Мир человеческий тогда оживает. Наполняясь красотой, становится близким. В нём есть, где пробудиться душе, которая и будет видеть свет во всём.

Двор же теперь выглядел неуютно. Ещё эта весенняя прозрачность, обнажившая все неприглядные детали.

Витька свернул к своему подъезду, не замечая ничего во-

круг, скрипнул тяжёлой дверью.

В подъезде было прохладно и темно. Подошвы зашуршали по пыльному бетону пола, шаги мерно отсчитывали ступени, резко разрывая стоячий воздух гулкими звуками. Один пролёт, пауза лестничной площадки, другой пролёт. Когда Витька подходил ко второму этажу, снизу скрипнула дверь и послышались вкрадчивые шаги. «Соседи», – подумал Витя. Когда он поднялся к площадке между третьим и четвёртым, навстречу ему вышел широкоплечий мужик в чёрной кожаной куртке. Солнечное окно за ним засветило силуэт квадратной фигуры, из которой торчал маленький бутон короткостриженной головы. Витька ещё прошёл пару ступеней вверх и остановился. От самого вида преградившего путь мужика.

– Давай, давай. Поднимайся, – хрипло сказали сверху.

Снизу вкрадчивые шаги приблизились, из-за поворота показалась тощая долговязая фигура, которая преградила путь к отступлению.

«Что они думают: я побегу из собственного дома, где жена и дочка?» – зло подумал Витька. Он поднялся выше, к межэтажной площадке, и оказался стоящим между двух угрожающе надвинувшихся на него бандитов.

Тот, что был перед ним, квадратный, был старше и мрачнее. Он, устало, уверенный в своей силе, исподлобья смотрел прямо в глаза Витьке. Витька опустил взгляд, оглянулся. Позади ухмылялся тощий, который явно наслаждался пре-

восходством своего положения.

– Сроки нарушаешь, – густо прохрипел главный.

– Я немного опоздал, сумма, которую копил, на дочку ушла. Так получилось.

– Дочка – это хорошо. Только деньги наши, а нам своих тоже кормить надо.

– Я отдам. Честно! – начал было оправдываться Витька.

– Слышали уже, – перебил его главный. – Можешь уже не повторяться. Давай чётко обозначим: когда?

– Ну, я сейчас решил оборудование продать. Только это всё не так быстро происходит. Вот продам, сразу всю сумму с процентами закрою.

– Тоже слышали уже. Когда?

– Скоро. Думаю, скоро. – Витька понимал, что лишь оттягивает момент.

– Ты смотри, – люди, которых мы представляем, серьезные, и трёпа не любят, – спокойно сообщил пожилой.

Он уже многое повидал в этой жизни, слышал все эти похожие друг на друга отмазки. Ему было скучно. Поэтому он просто выполнял свою работу, без излишнего рвения.

– Да что там, – вякнул развязано молодой пацан за спиной. – Не у тех людей ты денег попросил. И за трёп порешить могут. Вот в прошлом году мальчика вальнули...

– Рот прикрой, – грубо обрубил долговязого пожилой, – когда старшие говорят.

Пацан скулящим тоном ответил:

– А что? Я так, для убедительности.

– Мал ещё, убеждалка не созрела, – обрубил старший.

Пацан только сжал губы и перестал ухмыляться.

– Короче, тебе ещё неделя осталась. Потом другой разговор пойдёт, – сообщил мужик.

– Да, конечно, – опустил взгляд Витька.

– А это тебе, чтобы помнил, – мужик вскинул руку и плотно ткнул Витьке кулаком под дых.

Витька открыл рот, хватая воздуха, который в лёгкие войти уже не мог. Грудь сжало судорогой, защемило так, что к горлу подкатил комок и бросило в пот. Витька скрючился и присел на ослабевших ногах.

Пацан за спиной не удержался, визгливо хохотнул откуда-то сверху. Потом наклонился к уху и прошипел, брызнув слюной:

– Помни!

А потом две пары ног звонко зашлёпали по ступеням вниз. Они просто ушли.

Витька привалился к холодной стенке, шумно всасывая носом воздух, который в грудь никак не шёл. Скрипнул зубами, попытался сглотнуть комок. Затем, уже через несколько секунд стало отпускать, и он жадно задышал. Ангел тихо опустил руку на его голову, и тоже выдохнул, подняв лицо вверх.

Через минуту Витька встал, стряхнул пыль с куртки и

штанов, поднялся на пятый этаж. Своим ключом лязгнул о металл замочной скважины, отворил дверь.

– Я дома! – оповестил он жену.

Примостил пакет с покупками на скамеечку в прихожей, сбросил ботинки и тут же юркнул в соседнюю дверь ванной – Анька не должна была увидеть его таким взъерошенным, испуганным и грязным. Вопросы начнутся. Оправдания. Сплошные расстройства.

Уже за закрытой дверью голос жены:

– Привет! Ты что, едва дотерпел до туалета? – Анька задорно засмеялась. – Чего заперся-то?

– Ага, – поддакнул ей Витька. – Скоро выйду.

– Ну, ладно. Я тебе завтрак приготовила, выходи, – Витька услышал шлёпанье по линолеуму босых ног жены.

Но Витька задержался чуть дольше, чем обещал. Кинул одежду в стиралку, залез устало под душ, врубил горячие струи на максимум, чтобы кололи оголенные плечи, чтобы врезались и жгли их. Выжигали противное чувство слабака в груди.

Ему это было нужно.

Только разгоряченное, исколотое иглами струй тело позволило ему почувствовать себя живым. Размякнуть, отпустить дурные мысли. Завертев кран, он выбрался из ванной, укутался в белое пушистое полотенце, наскоро промокнув мокрые волосы, и вышел.

На кухонном столе уже парил ярко-красный борщ в

огромной тарелке – всё, как он любил. Рядом – ломтями ржаной хлеб. Как был, Витька сел на табуретку, вооружился ложкой, ломтём хлеба и стал жадно, причмокивая, поглощать обжигающий сладковатый бульон.

Ангел смотрел. Улыбался.

У Витьки с главным было всё в порядке: дом был наполнен душой, светлой и юной. Это чувствовалось, как тонкий аромат чистого детского белья и согретого на огне молока, как пряная сладость борща, пропитавшего кислинку чёрного хлеба, солнечный свет, играющий в складках лёгкой занавески, и как звук, доносившийся из комнаты, где Анька забавлялась с малышкой-дочкой.

Аня всплывала в памяти ангела радостью и простой девичьей теплотой. Дочка у них появилась позже, после того, как он неожиданно решил исчезнуть из этого мира. И, видимо, позже того, как у Витьки начались проблемы с деньгами – ах, эта встреча в подъезде!

Ангел плавно, невидимый никому, вошёл в комнату. Аня заканчивала кормить дочку, годовалого ангелочка в белой рубашке, уже чуть замазанной сладко пахнущей кашей. Девочка, вцепившись в ложку, скребла ею по легкой пластиковой тарелке, отчего та скользила по детскому столику. Аня ловила тарелку, помогала сгребать в ложку сладкую манку и подбадривала ребенка, когда та тянула ложку с кашей в рот. Обе получали от процесса удовольствие.

Потом Аня подняла дочку со стульчика и плюхнулась с

нею на разложенный диван. Лежа на боку, поперёк всей его ширины, о чём-то тихо мурлыкала с ней.

– Скажи, ма-ма. Леночка, скажи МА-МА.

Ей так хотелось услышать первое слово дочки. Но та лишь беззубо улыбалась ей.

Потом Анька притянула поближе большеухого плюшевого зайца, играючи ткнула им в грудь малышки. Та схватила игрушку за ухо и начала старательно выковыривать пальцем её пластиковый глаз.

– Глазик у зайки. А где у Леночки глазки?

Малышка тут же показала.

– Во-о-от. А ротик?

Пальчик ткнулся в губки.

– Во-о-от. А у мамы?

Аня засмеялась, когда маленькие пальчики затеребили её нижнюю губу.

Витя вошёл в комнату, одетый в домашнее, и медленно растянулся на диване возле жены и дочки, улыбнулся. Потом приподнялся на локтях, поцеловал сначала одну, потом другую. Снова опустил голову в мягкие покрывала.

– Спать хочу, – прошептал он Ане.

– Ага. Мы всё равно сейчас с Леночкой уходим в бассейн, потом погуляем, может, к маме зайдём...

– Хорошо.

Пока Аня одевала дочку, Витя закрыл глаза и позволил

сознанию затуманиться, задышал ровнее и тише. Уже скоро он ничего не видел и не чувствовал в этом мире. Не откликнулся, когда жена наклонилась и поцеловала в небритую щеку, накрыла легкой простынкой. Не услышал, как тихо затрепыхал телефон и Аня нажала кнопку:

– Ало.

Через паузу вновь ответила:

– Да, конечно, найду. Ещё раз объясни, я найду.

Она взяла маленький клочок бумаги, который тут же лежал на детском столике, и стала записывать, шевеля губами:

«Скорая помощь.

1-ый поворот.

На ул. Энтузиастов.

Левая дверь в

маг. Семена»

Потом уверила в трубку:

– Хорошо. Я куплю и сразу к вам... Хорошо... Пока.

Витька уже не слышал разговор. Аня ещё раз внимательно посмотрела на бумажку, запомнила. Затем порвала её, как обычно, чтобы не гадать потом, что это за адрес. Сгребла заодно клочки бумаги со стола, что старательно разрывала Леночка – как писали на одном сайте для мам, это хорошее упражнение для маленьких пальчиков – и встала, чтобы всё это выбросить в мусор. Маленький клочок выпорхнул вдруг из сжатых её кулачков и плавно опустился в витькины тапки, что стояли подле. Аня и не заметила.

Потом она собралась, старательно одела Лену и, хрустнув замком в дверях, вышла.

В квартире повисла тишина, слабо поющая весенним городским гулом за окнами, который только оттенял её мягкий покой. Даже Витя стал дышать тише.

Ангел слушал его дыхание и ждал.

Через пару часов Витька проснулся. Солнце показалось в окне и теперь жарило его в спину.

Поднялся над диваном, потёр разгоряченное лицо, нащупал пальцами ног тапки на полу. Когда полез внутрь их, что-то шелестнуло под стопой.

Витька наклонился и выудил из тапка мятую бумажку. Развернул и прочитал: «помощь...от...Энтузиастов...верь в...Семена». Озадачено нахмурился. Потом скомкал её и бросил на детский столик у кровати, попав в стопку книжек. На одной из них, небрежно накрытой другой, – большие буквы «ЖДИ».

Витя протянул руку, подвинул стопку, открывая всё название. Оказалось – «ВЕСЕННИЕ ДОЖДИ».

Весь апрель ни одного дождя нет, – почему-то подумал Витька, – жди их.

Встал, пошёл умыться, потом завернул на кухню, включил телевизор, достал из холодильника ряженку и сыр, стал медленно жевать и запивать, уставившись в экран. На работе Витька почти не ел, зато дома готов был жевать в любых

обстоятельствах.

Посередине какой-то шутки развлекательной программы, которую смотрел Витька, в дверь позвонили.

Витька устало поднялся, шаркая тапками направился к двери. По привычке, что уже выработалась за последние месяцы, посмотрел в глазок. Там стояли две женщины: очень молодая и очень пожилая. Витька открыл дверь.

– Мы к вам пришли с вестью о спасении, – пугливо заговорила молодая. – Возьмите бесплатный журнал, там ответы на все страдания людские.

Пожилая протянула ему тонкую книжицу и ласково улыбнулась. Как внучку, которому предлагала сейчас горяченькие пирожки. Витька посмотрел на журнал, на распространителей благой вести, потом снова – на журнал. Повисла пауза, которая обнадёжила молодую девушку:

– Мы не одни со своими про...

Витька захлопнул дверь, не дослушав до конца, прямо перед носом молодой девушки, которая для придания силы своим словам даже подалась чуть вперёд. Разве что по носу дверью не хлопнул.

Тут же забыв об оставшихся на лестничной площадке, он снова направился на кухню, к телевизору, где, не заметив его отлучки, всё ещё веселились улыбчивые ведущие. С ними было легко и пусто внутри.

Аня позвонила уже после двух:

– Проснулся? Слушай, родители на дачу собрались, в огороде покопаться надо. Нас зовут с Леночкой, – можно мы поедем? С ночёвкой, до завтрашнего вечера.

– Езжайте. А у вас же вещей с собой – никаких!

– Мама уже всё нашла, не беспокойся, – поспешила ответить Аня. – Лю ты!

Ласковым теплом обдало из трубки. Никому бы другому и ни с кем другим Витька так бы не позволил разговаривать. Ни себе, ни с собой. Только Аньке.

– И я – лю, – ответил он в трубку.

Витька встал, подошёл к окну, за которым где-то внизу пенилась зелёная листва деревьев. Постоял. Радостный голос Аньки напомнил ему, что он должен скорее разрешить эту проблему долга, ради Аньки и Ленки.

Витька направился к углу, где стоял старый компьютер. Включил его, стал листать страницы сайтов объявлений. Щурил глаза, вздыхая, тёр лоб жёсткими пальцами. Ничего не находилось подходящего. Потом ещё два часа он загружал фотографии своих станков, заполнял поля с описанием своего предложения о продаже на нескольких сайтах. Не по разу проверял, чтобы телефон был указан верно, – так хотелось, чтобы скорее позвонили потенциальные покупатели. Хоть прямо сейчас! И деньги в кармане!

С рекламного блока где-то сбоку экрана над ним посме-

ивался какой-то маленький ехидный чёртик. И крупными буквами ему говорил: «Хочешь сыграть со мной? ЖМИ, если устал от рутины».

Компьютерный чёртик смеялся в лицо Витьки. Будто знал, что такие неудачники и лохи, как он, рано или поздно продают душу любому, кто пообещает им лёгкое будущее! А Витька был уже на грани, чтобы начать считать себя и неудачником, и лохом. Последние, кто не давал ему сдать, были всё те же Анька и Ленка.

Витька устал. Щёлкал пальцами по клавиатуре без особой надежды на результат и всё чаще поглядывал на хитрого чёртика, который так хорошо его знал и, кажется, понимал.

Вдруг, на кухне что-то упало!

Витька встрепенулся, встал и отправился посмотреть, что случилось.

Там лёгкая занавеска трепыхалась напротив открытой форточки, а на полу валялась детская бутылочка, которую Анька оставила на подоконнике сохнуть. Витька подошёл, поднял бутылку, ополоснул под краном и поставил на стол. Вернулся к компьютеру и выключил его.

Ангел тихо колыхал кухонную занавеску. Ронять с подоконника было уже нечего, да и незачем. Были поважнее проблемы.

Как-то надо было всё-таки встретиться с Витькой, поговорить. Ангел чувствовал настоятельную эту необходимость,

неразрешенный вопрос, повисший без ответа, который никак не мог проявиться и распутать комок нитей их общей с Витькой судьбы. Только бы найти подходящее время.

Это, очевидно, должно было произойти не днём. Скорее, поздним вечером, когда звук самой жизни становится чуть тише и тоньше. А лучше бы ночью. Ночь – то самое время для встречи с тем, кто погружен в плотный мир телесности... Время снов и мечтаний... И новых надежд...

Ангел ждал.

Поздним вечером, когда в синих сумерках поплыла полная луна за окном, Витька сидел за кухонным столом. Электрический свет лампы он включать не стал. Луны и уличных фонарей было достаточно, чтобы видеть стол перед собой и тарелку уже отчищенных от скорлупы белёсых мячиков вареных яиц. Витька сидел и вяло макал их гладкие бока в тёмно-бардовую жижу густого кетчупа. Отправлял в рот, медленно пережёвывал.

«Сейчас» – почувствовал ангел и вступил в полосу мягкого лунного света. В этом призрачном свете перед Витькой проявилось лицо Семёна. Таким, каким Витька привык видеть его, без крыльев.

Витька вздрогнул и круглыми глазами уставился на него. Набитый едой рот будто сдерживал готовый вырваться наружу возглас.

Семён стоял, ждал, чтобы Витька первый мог сказать. Тот же смотрел в упор и молчал. Минуту, может две. Потом снова начал жевать, не отводя глаз от Семёна. И каждое движение его челюсти становилось всё сильнее и злее.

Ангел то опускал глаза в пол, то вновь как будто даже испугано устремлял их на Витьку.

В конце концов молчание прервалось. Витька спросил:

– Так, кто ты теперь?

Семён пожал плечом:

– Я не знаю. И человек, тоже.

– Человек, – усмехнулся зло Витька. – Так и хочется кинуть в тебя чем-то тяжёлым, человек.

– Ну, кинь, – Семён посмотрел в сторону друга.

Тот сидел несколько секунд, потом вдруг схватил стоящую рядом кружку и с силой бросил в Семёна. Она, тяжёлая, толстостенная, больно врезалась в кость плеча и отлетела в стену, разбившись. Семён сжал место удара ладонью другой руки, повёл плечом и снова тихо посмотрел на Витьку.

– Ты же бросил меня, просто кинул, – не унимался тот.

– Я не мог по-другому.

– Не мог он. Ты знаешь, как я злился? Сначала, конечно, не понимал, что произошло-то. Потом всё посыпалось у меня в жизни. А когда стал думать и причины искать, я понял, что началось всё после того, как ты... – он осёкся, не зная какое слово найти. – Так, кто ты теперь?

– Я человек. И немного больше, чем человек.

Витька опустил глаза в пол, тяжело вдохнул, будто был виноват. Губа его чуть подрагивала. Хотел что-то сказать, но не знал, как лучше.

– Пришёл-то зачем?

– Что-то изменилось. Я почувствовал новое внутри. И, видимо, совсем не случайно встретил тебя. Что-то важное должно произойти.

– Да уж, – только и сказал Витька, горше, но уже спокойнее. – Всё катится под горочку.

В тишине, повисшей в маленькой кухне, часы звонко отщёлкивали секунды. Загудел в углу холодильник. Витька крутил рукой по столу тарелку перед собой. Молчал, глядя на бегающие по ней вареные, уже очищенные от скорлупы, яйца. Потом, не глядя на Семёна, сказал:

– Ну, садись что ли, человек.

Семён присел напротив, шаткая табуретка скрипнула под ним.

– Есть будешь? – спросил Витя.

– Я не голоден, благодарю.

– А я голоден. Не знаю, как у вас, тамошних человек, заведено, а мы тут едим, когда проголодались, – делано злясь проговорил Витька.

Он взял мягкий белый мячик яйца, макнул его в кетчуп и сунул в рот. Стал усиленно жевать. Семён смотрел, не знал, что говорить, или ждал, когда первым начнёт Витька. Тот же проглотил яйцо, взял второе, макнул в красную вязкую

пасту и – в рот. Снова упорно стал пережёвывать. Проглотил. Запил чаем. Помолчал.

– Я первое время очухаться не мог, – вдруг начал он. – Всё пытался уместить это в голове. Пару дней вообще делать ничего не хотел. Ходил как пришибленный. Потом жизнь заставила выкручиваться, – работа же стояла, сроки заказа поджимали. Я убедил себя, что ничего сверхъестественного не было, просто ты исчез, как будто сбежал, что ли. Начал искать нового работника. По знакомым, на сайтах объявлений. Быстро находились только какие-нибудь алкоголики или те, кто ни на какой работе в принципе долго не задерживается. А те, кому можно было довериться, с опытом, все уже при деле. Когда понял, что не найду никого, я впрягся сам, сутками работал, старался. А у меня ни фиги не получалось: то порежу что-то на изделии, то сам порежусь. Всё из рук валилось. И так я год промучился. Всех клиентов растерял. Долгов набрал. Короче, не справился я. Не выгорело. И вот теперь уже два года пытаюсь разгрести все долги, а только набираю новые.

– Я видел там, в подъезде, – сказал Семён.

Витька поднял глаза и ехидно улыбнулся:

– А что не вступился? Если всё ещё друг.

– Я не чувствовал, что это было нужно. И, наоборот, оно нужно было тебе. Чтобы разрешить ситуацию правильно.

– Ну, да. Удар под дых освобождает и дарит новые озарения, – зло иронизировал Витька. – А ты бы так же, как то-

гда меня ошарашил, развернул бы крылышки! Пуганул бандитов.

– Не всегда лёгкие пути – правильные. – Семён снова посмотрел в глаза друга, пытаясь унять его раздражение. – Но я же не просто так здесь. А значит, – помогу.

– Вот уж обрадовал, – уже не зло сказал Витька. – Чем поможешь-то?

– Не знаю пока.

– Вот и я не знаю.

Витька погрузился. Не смотря на Семёна, спросил тихо и даже как-то смиренно:

– И что мне делать?

Семён почувствовал, что теперь может сказать.

– А ты попробуй поверить – у тебя есть ради чего это делать. Увидь результат как свершившийся факт, почувствуй всё то хорошее, что он родит в тебе, что он принесёт твоей жизни. Просто, – Семён вздохнул, – Ты видишь сейчас всё, как проблему, она для тебя негативна, поэтому ты боишься. Страх мешает проявиться душе, чтобы она меняла жизнь к лучшему.

Витька молчал, уставившись в стол. Пытался понять, это про него или Семён какую-то отвлечённую проповедь читает.

Семён же, будто вспомнив давно забытое, добавил:

– Помнишь, как ты горел, как тебя вдохновляли твои мечты и желания достичь успеха, – ты столько мог сделать! Ты

ещё ничего не сделал, а уже радовался своей победе! Тебя не беспокоили сложные обстоятельства перед тобой, ты сразу искал, как эти препятствия обойти, потому что видел цель.

– Это всё было. Было так, будто перед тобой сами собой все двери открывались, – задумчиво говорил Витька. – Пока ты не кинул меня тогда, не бросил всё.

– Я же сказал, не мог я по-другому: сам не звал это новое, а оно пришло, – будто даже чуть грустно сказал Семён. – Всё изменилось и для меня тоже. Получается, как и для тебя. Ведь, как не крути, мы связаны друг с другом.

– Ладно, проехали уже, – криво улыбнулся Витька. – Я уже понял, что ничего назад не вернёшь.

Семён грустно посмотрел на Витьку. Потом заговорил снова, читая в его душе:

– Все эти три года ты всё делал, потому что боялся потерять, а не стремился создать что-то радостное для сердца. Ты латал дыры в клетке твоего счастья, которая рушилась под напором жизни, потому что подумал, что уже поймал это счастье за хвост, и его надо удержать. И вот – счастье утекло. И всё из-за одного: что-то пошло не так, как ты хотел. А в новое, что пришло, ты уже не захотел верить с такой же силой.

– Я не могу верить. У меня слишком много проблем. Может, ты просто поможешь?

– Ты всё можешь сделать сам.

– А как же все эти молитвы к небу, зов о помощи, божья

милость и защита?

Семён качнул головой, будто понимал и давно знал всё это:

– Люди молятся, думая, что высшие силы сделают что-то для них, исполнят их, человеческий то есть, мир. А всё, что по-настоящему важно – для всей вселенной важно, – уже сделано! Молитва может и нужна только для того, чтобы человек поверил в это. Если он верит, он всё видит.

– А зачем же тогда все эти службы, молебны, крестные ходы, иконы там, священнические ризы?

– Для кого-то всё так. Только это, опять же, о способе видеть: стараться связывать духовность с внешними событиями, канонами и символами и окружать себя ими или, наоборот, преходящие события собственной жизни стараться увидеть духовно, глазами души. Постараться возвысить их до духовного звучания. Душа ведь уже дышит в человеке, а не летает в неведомых высотах, а человек несет её во всё. Как умеет.

Витька усмехнулся:

– Как ты интересно заговорил. Точно – уже не человек.

Посидели тихо. Витька сказал:

– Я и не помню, когда мы вот так с тобой разговаривали, как уже взрослыми стали. Детская дружба – оно понятно. А вот когда взрослеешь... Всё работа, новые цели, гонка в будущее. Жизнь, которая казалась такой важной. А оно всё –

раз! – и разрушилось. Почти в один момент.

– Помни о том, что у тебя есть, а не о том, чего нет.

– А что есть?

– Сегодня я увидел их в твоём доме. Тебе есть для кого идти дальше.

Витька усмехнулся и не спорил с этим. Семён продолжал:

– Если что-то рушится, – это не потому что тебя наказывают. Просто расчищают место для нового опыта.

– И кто это такой заботливый? – не зло сыронизировал Витя.

– Твоя душа.

Так они говорили часа два. Обо всём. Семён рассказывал о себе. Витька слушал. Потом молчали и снова говорили.

В конце концов, Витя, на время будто примирившийся этим разговором со своей жизнью, дружески сказал:

– Слушай, а всё-таки спрошу: как это возможно? То, что с тобой произошло? Почему ты?

– Я не знаю, – просто пожал плечами Семён.

– И что? Что после этого изменилось?

– Всё.

Витька усмехнулся. Семён продолжал, вспоминая:

– Будто был до этого бледной личинкой, зажатой в кокон, а потом вдруг кто-то разрезал его, выдавил на ветер, на солнце, в мир. Раскрасил цветами. Подарил полёт. И новую жизнь.

– А сейчас ты, вроде, как обычный человек, без крыльев? – спросил Витя.

– Это для маскировки, – улыбнулся Семён. – Так-то, они и сейчас есть.

– Что-то не верится, – Витька усмехнулся. – А покажись с крыльями.

Семён медленно улыбнулся в ответ. Глаза его сверкнули. Он вдруг вдохнул всей грудью, и пространство вокруг его колыхнулось светлой искрящейся волной. Перед Витькой стоял Ангел, а за тонкими плечами его – два белоснежных крыла во всю комнату, сдерживаемые лишь теснотой стен, – не развернуться.

– Уоу! Верю, верю, – засмеялся Витя от неожиданности, вжавшись в шкаф позади.

– И всё-таки, как странно всё это... – проговорил он чуть тише, разглядывая крылья.

– Что?

– Мой друг – ангел.

Так прошёл их вечер, после чего с какой-то лёгкой душой Витька пошёл спать и проспал до самого утра в благостной улыбке. С утра у него была дневная смена.

Ангел же поднялся над городом и его, до самого рассвета, в прохладной тёмной ночи стали посещать какие-то неясные чувства. И приходят слова. Он думал вот о чём:

«С чего рождается безумие? С того, что ты позволяешь себе подумать, что всё в твоей власти, всё под контролем, а значит, можно пробовать жизнь на прочность, заходить за черту. Ты хочешь одолеть мир, сделать его своим владением. И для этого ты должен сражаться, а значит – ты уже заражен безумием. Как собака, кусающая руку жизни, прежде её кормящую. И всё, что теперь делаешь в жизни, становится ядовитой пеной на зубах, которые ты оскаливаешь навстречу миру. Таких безумных, так или иначе, много. Многие из них выглядят обычными людьми, и лишь изредка безумие прорывается. Кто-то пытается бороться с этим безумием внутри. Только не знает как. А кто-то уже побеждён окончательно.

Но, у каждого есть выбор. Безумия можно избежать. Оно невозможно вплоть до последней черты, когда ты всё ещё будешь готов хоть чему-то улыбаться сердцем.

Безумие не сдержать простыми правилами и самозапретами. Никакой контроль, внешний или даже внутренний, не в силах... Безумие и страсть можно усмирить только чем-то большим, чем-то более глубоким и всеобъемлющим. А чем? Для нас это то, что потребует нашей заботы, то, что останется беззащитно без нашей любви, то, с чем мы можем разделить нашу любовь. В чём душа поёт для мира».

А утром ангел увидел, как Витька легко шагает по улице. Светлым дуновением ветерка бессловесно он прошептал ему:

«Не предавай свою душу».

Витька шёл по утренним улицам на свою дневную смену.

Солнечные стены домов грели с одного бока, молодое солнце, пробивающееся в проёмы между тенями противоположных строений – с другого. Кажется, где-то начала зацветать черёмуха. Тонкий её аромат уже заслонял собой запах жарко нагретой на солнце штукатурки. Скоро эта пьянящая сладость станет оглушительной. А потом зацветёт сирень, а потом и липы. И от этих мыслей становилось на душе ещё теплее.

Вечерний разговор остался в сознании сном наяву. О таком, конечно, никому не расскажешь. Да Витька и сам ещё не определился окончательно: верить ему или нет в произошедшее. Но внутри определено было нечеловечески светло и ясно. Может, и правда, друг-ангел помогает.

В конце концов, сколько в жизни неожиданных поворотов, которым легко подошло бы определение «чудо»! Почему бы и не ангел? Может и правда, может – поможет.

Думая так, Витька подошёл к светофору, дождался зелёного и стал переходить дорогу. Вдруг из стоящей на перекрёстке чёрной БМВ его окликнули:

– Эй! Чё такой довольный?

В боковом окне автомобиля над опущенным вниз стеклом торчала голова младшего из двух вышибал, что вчера встре-

тили Витьку в подъезде. Только сейчас он выглядел ещё более самоуверенно, – теперь он был главным. Витька отвернулся и пошёл по зебре на другую сторону дороги.

– Эй! Куда заспешил! – машина парня прямо на красный свет, взревев мотором, вырулила на пустой перекрёсток и резко развернулась, догоняя Витьку. У бордюра она с визгом тормознула, и оттуда выскочило сразу три человека. Они настигли Витьку и взяли его в кольцо. Двое сзади, ехидно улыбающийся долговязый пацан прямо перед ним.

– Торопишься что ли? Поговорить не хочешь?

– О чём?

– Ну как, нам не дали договорить вчера, а мне о-о-очень хочется.

Пацан не мог стоять на месте спокойно. В подъезде Витька не разглядел его, а теперь заметил, что он через каждые десять секунд нервно поводит ногой и поправляет свои тренировочные штаны в районе паха – что-то типа нервного тика, навязчивого движения. Сам он, этого будто не замечая, довольно лыбился.

– Ну что? Нашёл уже деньги?

– Нет.

– Помнишь, неделя есть у тебя, – пацан сделал паузу, словно ждал реакции Витьки. – Знаешь, что тебе будет, если не отдашь?

Долговязый улыбнулся и весело подмигнул, надвинувшись на Витьку. Витька отступил, чтобы быть подальше от

этого противного довольного лица, но спиной упёрся в тех, кто стоял позади.

– Я отдам.

– Так вот, я расскажу, – пацану так хотелось это сказать, что слова Витьки ему были уже не интересны. – Сначала к тебе придут. Может с битами, может с костетом. Сделают больно. Потом тебя попросят добровольно отдать твой гараж, твою квартиру. Заартачишься – снова сделают больно, только теперь уже о-очень больно. Так что лечиться до-олго надо будет.

Пацан тянул слова, словно ему хотелось дольше насладиться их смыслом.

Витя стоял молча, опустив взгляд в асфальт. Не реагировал. Не хотел потакать пацану и поддаваться на его провокации.

Тому же очень хотелось зацепить. Он смаковал каждое слово о боли, которую причинят Витьке. А потом улыбнулся и медленно протянул:

– А после этого мы придём к тебе домой. Я приду к тебе домой, слышишь? А там – твоя сладенькая жёнушка.

Витька вдруг весь загорелся внутри, он резко вскинул голову и взгляд его обжигает, как из пушки огненный заряд, метнулся в глаза парня. От неожиданности ресницы того вздрогнули и глаза округлились в страхе перед мгновенным выплеском Витькиной смелости. Но потом он быстро вспомнил нынешний расклад и снова размазал самодоволь-

ную ухмылку по лицу. Кажется, у него получилось вызвать нужные чувства. Он жадно облизнулся.

– Что? Представил? – пацан готовился к десерту. – Ты ещё не знаешь, что я умею. Хочешь, расскажу?

Витька горел изнутри, но ни слов, ни сил ответить не было. Противное чувство беспомощности. До дрожи пальцев рук и тягучей судороги в рёбрах. Будто физически дали под дых.

– Ну, хочешь? – дожимал долговязый и снова лягнул воздух ногой, одёрнув штанину, как будто она колола и давила его. Он едва сдерживал своё порочное воображение.

В таких моментах обычное дело – кулаком в зубы. В нос, в глаз, да куда попало! Только вот до сих пор в своей жизни Витька не знал, как это – ударить в лицо. Не мог причинить боль, мучился сомнением в себе или же просто, боялся. Но пылающие эмоции уже едва сдерживались страхом и сомнениями.

– Хочешь? – оттягивая удовольствие, гнусавил долговязый.

– Нет! – Витька вдруг рванулся вперёд, задев плечом пацана, и едва сдерживаясь, быстро зашагал прочь. Его трясло.

Сзади никто не преследовал, – отпустили до времени, добившись своего.

– До новых встреч! – радостно махнул вслед рукой довольный пацан.

Витька только ускорил шаг. О, чтобы он сейчас сделал с

этим долговязым сучком! Чтобы сделал! Но – только был обуреваем жгучим маревом страсти, которая не давала облегчения, не обещала справедливости возмездия и благополучного исхода, но только плескалась, клокотала и душила. Унял этот ураган только быстрый шаг Витькиных ног. И то, не сразу. Они несли его вперед, без цели, в никуда, гонимые его внутренним безумием. Вместо любви к Аньке он чувствовал сейчас свой страх потерять эту любовь, вместо смелой решимости – жажду унижить обидчика, вместо ясности в мыслях – жгучую злобу в груди. Всё это поднималось, выплёскивалось, требовало мести, потому что смеялись, потому что унижали и втоптывали в грязь мир, который он посчитал только своим. Ещё чуть-чуть и ради близких тебе людей, которым грозит из-за тебя боль, можно стать безумным. Всего лишь переступить грань.

Но уже скоро первые эмоции были расплесканы и обессилены. На смену им пришли решительные мысли:

– Я должен что-то сделать! Я сделаю! Сегодня же! Сейчас же! Всё, что надо! Всё, что попросят! Но долг верну!

И тут неожиданно на голову прилетело что-то холодное и мокрое. Витька поднял глаза – из потемневших рваных туч на город повалил снег. Так бывает на Урале даже жаркой весной, а иногда и летом. Сквозь просветы в небе прямыми лучами прорезало позднеапрельский воздух солнце, расцвечивая золотистым светом быстро падающие хлопья. Асфальт намок и потемнел. Витька стоял посреди изменившейся ре-

альности с открытым ртом.

Вдруг в спину прилетело что-то тяжёлое. Витька резко развернулся – никого. Под ногами лежал комок тяжелого намокшего снега.

«Дети балуются, что ли? – подумал Витька. – Но снега ещё не падало столько, чтобы собрать даже маленький шарик!»

Витя повернулся и медленно пошёл сквозь белые вихри прямо к пешеходному переходу.

Подходя ближе, посмотрел под ноги – на бордюре перед ним вальяжно развалилась блестящая шкуркой чёрная кошка и надменно глядела на глупого человека. Пришлось остановиться на несколько секунд. И тут со стороны дороги завизжали тормоза и шины. И прямо перед Витькой пролетел, крутясь, белый седан, в конце своего крутого виража глухо уткнувшись в троллейбусную опору. Не сильно. Но страстно и завораживающе. Витька смотрел не моргая. Даже испугаться не успел.

Дверь машины открылась и показалась изящная ножка в красной туфле, затем другая и наконец, девушка-водитель, хватаясь с досады за крашенные локоны, встала в полный рост. Первым делом, она оглядела место удара. Так и застыла, не зная как теперь быть.

Витька засмотрелся, хотел было шагнуть к ней, но вдруг поскользнулся сам. Видимо, действительно стало мокро от снега. От его неожиданного падения чёрная кошка подскокила, ощерилась и рванула в сторону.

Лёжа в мокрой жиже, Витька увидел проезжающий мимо нужный ему троллейбус. Стой! – про себя подумал Витька – Стой! Он резко подскочил и побежал к остановке за своим транспортом. Вот троллейбус остановился возле металлического навеса, вот открыл с шумом двери, тихо постоял, впуская людей внутрь. Витька почти подбежал, когда перед его носом они захлопнулись. Витька только возмутился и развел руки в стороны. Но троллейбус не послушался его. Что за невезуха! – пронеслось в голове. Он обиженно отвернулся в сторону, направившись под крышу, которая могла защитить от мокрых плевков с неба. И тут троллейбус, что уже отходил, вдруг вновь остановился и с выдохом распахнул двери. Оттуда вышел дед с тросточкой, будто опоздавший на выход на своей остановке. Витька заметил это, вновь рванул к дверям, но перед самым его носом они опять проворно закрылись. Витька с досады аж хлопнул по ним ладонью. И неожиданно это дало свой эффект: они распахнулись перед ним. Но в этот раз изнутри вперёд выдвинулась самоуверенная фигура кондукторши:

– Не надо стучать тут, – пригрозила она. – У себя дома будете стучать.

– У себя дома двери открываю я, – не сдавался Витька.

Кондукторша подозрительно посторонилась, заманивая его вовнутрь, но снова угрожающе надвинулась, когда заметила одежду:

– У нас в грязном нельзя!

Но было уже поздно. Троллейбусные двери заперли пассажиров и грязного Витьку с кондукторшей в опасной близости друг от друга. Машина дрогнула, отчего Витька прижался теснее к мягким округлостям ответственного за проездную плату лица. Лицо поморщилось и отстранилось. Снаружи большие шины запели на слякотной улице.

– Платить будем? – приступила к делу кондукторша.

– Да, обязательно, – Витька полез по карманам.

Но денег в карманах не оказалось. Пустота в каждом из них. Кажется, те двое стояли сзади не просто так – пронеслось в мыслях у Витьки. Хоть в старом кошельке его и валялись сущие копейки. Но теперь и их не было.

Он виновато посмотрел на кондукторшу и только руками развёл – что за неудачный день!

А как всё хорошо начиналось. Не предвещая!

Довольная женщина скомандовала:

– Выходите на следующей!

Витька ничего не сказал, молча, зло сощурившись, отвернулся от неё к выходу. И тут в его плечо постучали чем-то жёстким. Он повернулся, встретившись глазами со старичком, что элегантно махал перед собой тросточкой.

«Он же уже вышел!» – недоуменно подумал Витька.

Но, приглядевшись, успокоился – другой.

«Сколько же их тут?!» – мелькнуло у Витьки в голове.

Старичок тем временем молча протягивал ему монетку. Витька стал отнекиваться, нелепо улыбаясь. Начал что-то

бормотать, убеждая, что не может взять. Тогда старичок, не вступая в полемику и уговоры, повернулся прямо к кондукторше и протянул деньги ей. Та, скептически посмотрев на его благородный жест, снисходительно приняла их и вернула обратно оторванный билетик, который тут же оказался в руках у растерянного Витька. Он как школьник, стесняясь нелепости своего положения, начал неуклюже благодарить старичка. Тот только рукой махнул.

Вдруг, в разгар слов признательности, троллейбус неожиданно содрогнулся и остановился. Его электрическое гудение, спикировав с высоких тонов вниз, вдруг затихло. Все пассажиры повернулись к запотевшим окнам, чтобы понять что произошло. Там с проводов слетели троллейбусные рога, питание прервалось и худенькая водительша торопливо пробежала вдоль борта, потянув на себя толстые веревочные канаты. Она старалась быстро восстановить контакт. Уверенными движениями заставляла массивные канаты извиваться, подчиняя их её неожиданной силе воли.

Витька посмотрел тем временем чуть дальше вдоль дороги. Знакомый уже перекрёсток. Впереди – белый седан, грустно уткнувшийся в столб. А вокруг него, как на панихиде по покойнику, печально и молчаливо стояли зеваки, все одетые в чёрное. Белый снег вокруг них делал мир черно-белым. Траурную церемонию игнорировала только сама дамочка, владелица белой машинки. Она отвернулась и с упоением гладила чёрного кота, который не мог решить, ко-

торым боком к ней лучше повернуться и подставлял ей то один, то другой. Эти двое были рады встречи.

Витька, глядя как привороженный на место ДТП за стеклом, прошёл по салону к задней площадке. Забился у последнего ряда сидений в самый угол, пытаясь придти в себя. Таких поворотов событий в короткий срок он давно не встречал. А теперь как-то всё навалилось в сумбурном миксте.

«Что происходит? – внутренне спросил Витька. – Семён!»

– Перезагрузка реальности. Так бывает, когда человек принимает важное решение, – раздалось за спиной.

– Какое решение?

– Твоё решение, – сказали сзади.

Витька резко повернулся. Там – никого. Да и не могло быть. Позади грязное стекло обрывало холодный мирок троллейбуса, за которым стояла твёрдая плоскость асфальта.

– А как же это всё... – начал было Витька в попытке подобрать слова к своим мыслям.

– Обычно никто этого не замечает, просто считают неудачным стечением обстоятельств. И не всегда успевают принять изменившуюся жизнь, как новую возможность. Для них это чёрная полоса, которую просто надо поскорее пройти и забыть – продолжал голос. – И только поэтому жизнь их безвыходна. А зло – реально.

– Да уж, – прошептал Витька. Но не так тихо как хотел, и сосед, стоящий рядом, оглянулся на него.

Они встретились взглядами. В глазах соседа промелькнул интерес, но неожиданно он вдруг громко икнул, а от того за-смущался, залившись краской, и тут же отвернулся в сторо-ну.

– Точно, – уже тише закончил Витька.

– Оптиус экзитус эст. Твой выбор и есть выход. Ты сделал выбор – реальность подстраивается.

– Ну не один же я тут? – уже мысленно спросил Витька. – Я перезагрузил, а людей вон сколько вокруг во всём этом участвует. И не всегда безобидно.

Он посмотрел в сторону ДТП, сказочно укрываемое бе-лыми хлопьями.

– У каждого свой смысл происходящего в жизни, – голос всё так же звучал из-за спины, но слышен был только Вить-ке, никто на звук не оборачивался. – Это и есть фактор со-знания. Кто-то вообще ничего не увидит. Кто-то выдержит лишь часть. А если кто и окажется чуть более внимателен и заметит изменение, то будет искать своё, удобное, объясне-ние. И находить. Тут в ход пойдёт всё, что угодно: религия, набор суеверий, рационализация. Люди слишком сильно ве-рят в свой мир и берегут привычный для себя порядок мыс-лей, даже когда рушится самое последнее его основание. Им важно сохранить своё уникальное Я.

Тут снова со стороны впереди стоящего пассажира про-рвался визгливый чайчий звук подавляемой всеми силами икоты. Витька даже пожалел его.

– А разве это не так? В смысле, мы не уникальны?

– Наверное, лишь в вашем воображении. Пока человек ищет себя, он утверждает своё Я, как единственную истину. Она – его уникальность! Когда же находит, его Я ему становится слишком малым смыслом для той жизни, что он видит, и поэтому оно теряет статус истины для принятия решений.

– Что же больше этого? Больше моего Я? – мысленно спрашивал Витька.

– Переживание единства. То, что вы называете словом «любовь», но видите слишком узко, чтобы это действительно стало настоящим откровением в жизни, открывающим глаза на реальность. Смысл вашей человеческой «любви» прост, и он в том, чтобы любить то, что нравится, и чему человек сам хочет понравиться.

– Но, так же и есть. Как можно любить то, что не нравится?

– Когда любовь настоящая, перестаёшь оценивать всё с позиции удовольствия своего Я. Так что, это уже не вопрос того, что тебе нравится, и что хорошего для себя ты получишь, для кого хорошим станешь. Любить можно не тогда, когда ты ожидаешь и желаешь что-то получить для себя, а когда у тебя есть, что отдать. Изнутри. От полноты своей души. Её внутреннее удовлетворение – это и есть переживание единства, изливаемое любовью. Ведь так?

Витька задумался, вспомнил об Аньке и Ленке. При всей изменчивости жизни и своего настроения, в хорошие или серые дни, в светлых мыслях или гнетущих, он дорожил тем

чувством, что рождалось по отношению к жене и дочке. Оно рвалось изнутри, даже когда его девчонок рядом не было, и он лишь только вспоминал о них, находясь далеко.

Даже сейчас он едва заметно улыбнулся.

А потом вдруг вспомнил про угрозы долговязого засранца, и внутри смешался страх и гнев.

– Не теряй любовь, – слышалось из пространства вокруг.

Неожиданно троллейбус дёрнулся и, качаясь, поехал. На радость пассажирам, которые все куда-то торопились в это утро. Которые, даже не обращая на это внимание, вместе легко качались теперь в одном рваном ритме.

Из-за плеча тихий светлый голос снова завладел вниманием Витьки:

– Посмотри на людей в салоне. Так ли вы различны, чтобы быть безразличными друг для друга? В самой глубине вы – единая душа, которая всего лишь повёрнута к миру разными своими сторонами.

Витька посмотрел. Просто внимательно посмотрел. И стал замечать их мысли, надежды, стремления к счастью и потребность в чём-то большем, чем обычная рутина их дней. И в этом все они были близки между собой и близки ему, Витьке, хотя он всегда это воспринимал, как основание для соперничества в обществе людей: каждый ведь хочет своего счастья, и надо побороться за него, утвердить свой путь среди чужих желаний и амбиций. Только, как оказалось, хо-

теть счастья – это совсем не то же, что стремиться к счастью. Наши хотения нас разделяют. А наши стремления – всегда едины.

– Любовь – это тоже выбор. То же – выход. – слышалось из-за плеча тихим голосом Семёна. – Переживание любви, как принятия, открытости, теплоты и света. Всего, что дарит переживание покоя, когда единство всеобщее. Некого побеждать, чтобы что-то утвердить. Душа сама проявляет себя, когда ты даёшь ей простор касаться мира с благодарностью.

И Витя это ощущал в себе. Чувство это, казалось, длилось целую бесконечность. А на самом деле всего минуту.

Но в эту же минуту последние снежинки ударились вдогонку в стекло позади, и город вдруг осветило яркое солнце. Воздух стал прозрачнее и чище, город – моложе. Стало теплее.

Снова пришла весна.

Троллейбус мерно продолжал свой путь.

Витька чуть было не опоздал. На вахте промокший пропуск, лежащий в кармане невысохшей ещё куртки, никак не считывался на входном турникете. Вахтёр, дядя Ваня, строго следовал должностной инструкции.

– Дядь Вань, пусти. Ты же меня знаешь, – прикидываясь незаслуженно обиженным, кончил Витя.

– Я-то знаю. Но мне начальником наказано только по про-

пускам пускать. Вот ты пришёл на работу, пропуском чиркнул, – зарплата тебе пошла. Не отметился в компьютере, – нет тебя на работе. Понял, как оно? И денег тебе не положено.

– Ладно. И что делать? – Витька не сдавался.

– Начальника ждать. Щас придёт, удостоверится и своим пропуском тебя проведёт. Так мне велено было.

Пришлось ждать начальника караула, который Витьку знал. Короче, по-простому пока ничего не выходило. Реальность там качающаяся, или ещё что, но голова у Витьки шла кругом.

Дядя Ваня тем временем позвонил по телефону, обстоятельным образом обозначил расклад и с умным видом положил трубку:

– Так-то, брат. Хоть и электронные технологии, а порядок-то старый.

Витька только головой мотнул и стал ждать, обсыхая. Дядя Ваня же пустился в разговоры:

– Вот недавно тоже умник один был в очках, с телефоном, как с лопатой наперевес. Идёт в контору на третий этаж. Я его спрашиваю: «Фамилия». Он называет и стоит, смотрит на меня. Ждёт чего-то. Я ему говорю: «Ну, идите!» – и двери открываю. А он расхохотался тут на меня и пошёл.

Дядя Ваня, кажется, стал злиться:

– Так на обратном пути я его останавливаю, спрашиваю, и чего, мол, он такого смешного во мне нашёл? Он спрашивает, паршивец, зачем я его фамилию спросил. Я ему: «Велено

спрашивать, вот и спросил». А он мне: «Так вы же никуда не записали, значит, просто так спросили? Вот скажите теперь, как моя фамилия?» Ну, я вежливо ему говорю, что как веле-но, так и спрашиваю, а ты, мол, чего тут комедию ломаешь. «Я ведь ничего смешного не вижу. Ты-то чего смеёшься? – говорю. – Щас начальника позову, с ним смеяться будешь». А он опять давай хохотать, аж распирает его. И ушёл.

– Ну, вот скажи, как работать с такими людьми? – заклю-чил дядя Ваня. – Философами хреновыми.

Дядя Ваня размахнулся и страстно хлопнул газетой сев-шую на стол и зазевавшуюся муху.

– Вот так их!

А потом пришёл начальник караула, Лёха. Пропустил Витьку через турникет. Когда вдвоём с ним они вышли на территорию, Витька спросил:

– Слушай, деньги нужны.

– Да что ты! Серьёзно? – усмехнулся Лёха.

– Серьёзно, – грустно подтвердил Витька.

– Ну, деньги – они всегда либо весело, либо нет, – фило-софски заметил начальник.

– Короче. Может где-то подзаработать можно? Или за-нять, там?

– Ну... Первое, что на ум приходит, это вахта на севере в поту и крови, либо материнский капитал по рождению ре-бёнка в радости и любви. Ты что выбираешь?

Лёха был шутником.

– Понятно, – резюмировал Витька и выбирать не стал.

– Ограбить кого-нибудь не предлагаю. Вряд ли выгорит.

Мир со времён Стеньки Разина сильно изменился в сторону закона и порядка. Это мы с тобой, как работники охраны, уже знаем. Да и лёгкие пути не всегда прямые, как говорят. Или, наоборот? Не важно.

– Правильные.

– Чего?

– Лёгкие пути не всегда правильные, говорю, – объяснил

Витька.

– А-а. Ну вот, ты в курсе.

– Просветлили уже.

Потом с досадой выдохнул:

– Эх! Почему всё так сложно в жизни?!

– И не говори, – согласился Лёха.

Дошли до корпуса молча. У тех, кто в офисе сидел, Витька тоже потихоньку поспрашивал. Где окольными вопросами, а где и напрямую стал интересоваться у сослуживцев насчёт денег. Кто может крупную сумму в долг даст, а может и заработать в короткое время

Но. Прорывного решения Витька не находил. Хотя и качнулась эта реальность круто, но пока упорно держалась на старых позициях.

На работе день выдался скучный, никаких вызовов. Нудное сидение в служебке в компании скучающих людей, жаж-

душих действий. Поэтому все вокруг десять раз поругались и девять – помирились. Последняя ситуация подвисла и не успела как-то разрешиться, потому что все вопросы сняла новость о зарплате. Конец месяца, как-никак. А это само по себе событие радостное. Тем более в конце твоей смены.

Расписавшись на кассе в толстенном журнале и получив свой конверт, на содержании которого можно было жить весь месяц, Витька сдал смену и вышел с территории через проходную, заспешив в сумерках домой. Дома ждала его Анька с Ленкой.

Уже поднимаясь по гулкому колодцу лестничных пролётов на свой этаж, Витька вдруг заметил открытую входную дверь своей квартиры.

Тонкая линия просвета, вырывающаяся в холодный полумрак площадки этажа, не была приветливой, и воображение тут же взорвалось холодящими картинками.

Витька рванулся к двери. Вбежал внутрь.

– Аня! Где ты? – громко позвал в сторону комнаты и, не разуваясь, метнулся к кухне, потом и в самую комнату.

Никого там не было.

Тут из ванной донёсся слабый голос Аньки. Витька в два шага оказался у дверей и рванул их на себя.

На полу сидела Аня, прижав улыбающуюся Леночку к груди. Глаза у Ани были красными от слёз.

– Что? Что случилось? – заволновался ещё больше Вить-

ка. – Здесь кто-то был?

– Был.

Аня покачала головой. И Витька тут же похолодел:

– Кто?

– Высокий парень встретил меня в подъезде, когда мы с Леной поднимались. Когда открыла дверь в квартиру, он не дал мне её закрыть и зашёл внутрь, – начала было Аня. – Витя! Я так испугалась!

Витя прижал её с дочкой к себе.

– Что? Он что-то сделал? – он боялся её ответа и одновременно просил его.

– Нет-нет, не беспокойся. Нам – ничего. Только говорил какие-то страшные вещи и... ещё его ухмылка. Я так испугалась!

– Всё. Всё хорошо, Аня. Я здесь! А он давно ушёл?

– Минут десять назад. Я заперлась в ванной и не выходила ещё.

– Всё хорошо, всё хорошо – заклинал Витька, прижимая к себе жену.

– Он сказал ещё, что тебя ждал. И может на улице теперь дождётся, – всхлипнула в Витькино плечо Аня.

– Подожди тут, я сейчас приду. Ничего не бойся уже, – пообещал Витька и, оторвав от себя жену, кинулся вон из квартиры.

Сердце быстро заколотилось вновь, дыхание стало звериным. Как у собаки, несущейся к жертве: выдох, выдох, вы-

дох! Витька перелетал сразу через три ступени, хватаясь на поворотах лестничных пролётов за жёсткие холодные рёбра перил. Он спешил на улицу. Что он там будет делать – ещё не знал. Может, просто хотел снова посмотреть в глаза этому подонку. Только теперь иначе, чем утром. И не важно, сколько их сзади будет стоять. Он ударит.

И как это он не заметил их на входе! – мелькнуло в голове.

Выбежав на улицу и пролетев по инерции метров пять от подъезда, Витька остановился на тротуаре и быстро оглянулся. Мирный двор не предвещал битвы, которой он теперь жаждал. Тут никого не было.

Он рванул в сторону улицы, откуда доносились звуки машин, но и там его цели не оказалось. Где эту скотину теперь искать? Поздним вечером.

Тем временем Витькины мысли, отрывками прорывающиеся сквозь удары сердца и тяжёлое дыхание, теперь вернулись в стройный поток рассуждений. Витька стал строить холодный план мести: «Завтра с утра – в их офис! Найду долгового – кишки ему наружу выпущу». Возвращаясь по пустынному тротуару к своему подъезду, он вдруг почувствовал такую силу и смелость внутри и понял что хочет сделать. «Принял решение! Так вроде Семён это назвал? Теперь пусть все они подстроятся, скоты!» – подумал Витька.

«Это ошибочное решение» – вдруг тихо пронеслось внутри.

– Да иди ты... лесом – огрызнулся Витька и шагнул в со-

всем уж тёмный подъезд. – Помог, называется...

Голос исчез.

Вернувшись в квартиру, Витька уже выдохся и силой своего тела, и в силе прорвавшегося вдруг изнутри гнева. Всё забрали ступени лестницы, которые он от бессилия безжалостно топтал, пока поднимался на свой этаж. Войдя, он застал жену с дочкой на том же месте, где и оставил.

– Ну, всё! – запер он дверь на все замки, всё ещё захлёбываясь на каждом вдохе, – Никого уже нет. Выходите.

Он снова возник перед Аней, возбужденный герой и защитник семьи. Аня медленно поднялась с пола и вышла в коридор, прислонившись к косяку ванной комнаты:

– Вить. Почему ты мне не сказал, что у тебя долги?

Витька остановился, упершись вдруг в спокойный взгляд жены и не зная, что ответить.

– Мы бы что-нибудь вместе придумали, чтобы не доводить до такого.

Аня опустила глаза и, кусая губу, уставилась на пол в ванной.

И тут Витька вдруг почувствовал себя виноватым.

– Я не хотел огорчать. Думал, сам справлюсь со всем этим. Заработаю. Отдам.

Он стоял в прихожей, будто теперь его не пускали в дом, пока он всё не объяснит.

Нет, Анька, конечно, не такая. Она не будет цепляться и

держат тебя на крючке, как извивающегося червяка, пока ты не докажешь, что ценная рыба. Просто её вопрос до сих пор даже не приходил на ум Витьке. А простой ответ её отвергался его мужским самолюбием.

– Ань, ну как я мог? Ты беременная, потом Ленка родилась. Тебя ещё впутывать! – Витька включил свою мужскую убедительность.

– Сколько ты им должен? – спокойно спросила Аня, поправив сидящую на руках Ленку, увлекшуюся тонкой прядкой волос, повисшей над ухом мамы.

Аня коротким движением заправила прядь за ухо:

– Сколько, Вить?

Витька помолчал несколько секунд, будто за эти секунды вопрос может потерять свою актуальность или разрешится сам собой. Потом закусил губу.

– Ну, там, не больше миллиона теперь, – не поднимая глаз, сказал он сквозь закусанную зубами губу, будто с усилием выдавливал пробку, которая сдерживала правду внутри.

Ещё несколько секунд стояла тишина. Потом Аня сказала:

– Пойдём чай пить. Может, что надумаем, – и повернулась в сторону кухни.

Витька за ней.

Ангел смотрел на них из противоположного угла кухни весь вечер.

Аня подливала кипяток из чайника в большую жёлтую

кружку Витьки. Витя поправлял дочку в её детском высоком стульчике. Ленка не давала им спокойно поговорить, требуя к себе внимания. Они так ничего и не решили. Просто пили чай, кормили дочь, смотрели в глаза друг друга, говорили друг с другом.

Невидимый ангел улыбался и тихо просил вселенную указать ему верное решение для этих двух людей.

На следующее утро Витька встал с постели спокойный и решительный. Даже не завтракая, оделся, убедился, что Анька закроет за ним дверь изнутри, и вышел из дома. Привычный путь до остановки даже не запомнился ничем особенным. Да и вряд ли мог. Ничего не отвлекало Витьку от той внутренней уверенности, с которой он проснулся и с которой теперь шёл.

Остановка, нужный ему маршрут, плавное гудение электродвигателей полупустого троллейбуса. Витька ехал к своим кредиторам. Вернее, к тем, кто от их лица вмешивался теперь в его жизнь.

Он не знал что делать. Как сказать. Даже с чего начать. Но готов был ответить так, чтобы было доступно и понятно: жену и дочь он в обиду не даст. Они ему условия ставят, – он тоже имеет свои. Они с угрозой, – он ответит. Ударят его, – ударит и он. Смутно, конечно, всё это виделось, но отступить ему уже было некуда.

Он ждал, что Семён что-то скажет, как-то проявит себя,

но его нигде не было.

«Ну и хорошо, – думал Витька. – Обойдёмся».

Витька вышел из троллейбуса на остановке возле старого здания СТО, за которым рядом стояли двухэтажные деревянные бараки чёрт знает какого года постройки. В них ещё жили люди, висели занавесочки на окнах, цветы росли в палисадниках, и прямо в пыли улицы у входа валялись детские игрушки.

Витя прошёл мимо, к отдельному кирпичному зданию какой-то советской ещё конторы, которое переделали под офисные помещения. По этому адресу ему было велено возвращать его долг.

Войдя внутрь, он почувствовал сладковатый дух старого крашенного дерева и ступил на скрипучий пол, укрытый линолеумом. Евроремонтов тут не наводилось. Простой длинный коридор с одинокой вечно горящей лампочкой в дальнем конце и железные двери офисов на обе стороны.

Витя нашёл нужную. Хотел сразу толкнуть, но потом всё-таки сперва постучал, а затем уже отворил её.

Полупустая комната. На стене – календарь. В дальнем углу – старый полированный стол, над которым всё пространство комнаты заливало светом давно немытое окно без штор. Из людей – никого. Но слева была открыта ещё одна дверь, куда Витька прошёл.

Следующая комната была более обжита, даже стояла мас-

сивная стенка со стеклянными дверцами и большой кожаный диван. На нём сидел, пристально глядя в глаза вошедшего, старший вышибала Витькиного долга, который и говорил с ним в подъезде у его квартиры. Который тогда оставил о себе крепкую память судорогой в его лёгких. И он теперь молча ждал.

Витька сперва упёрся в этот взгляд, хотел было сказать по привычке «добрый день», но потом, насупившись, просто кивнул мужику головой. Тот, всё также недвижимо и молча, не отвечал.

– Я не привёз денег, – чуть с вызовом начал Витька.

– А чё пришёл? – спросил мужик.

– Вчера один из ваших вломился к моей жене, напугал её, угрожал ей. Мне нужно его... Я с ним хочу поговорить.

– Его тут нет.

– А где он?

– Я чё, справки тут даю?

Витька помялся, нервно переступил, не зная куда себя деть, оглянулся. Он стоял посреди комнаты перед сидящим в мягком диване мужиком, как школьник. А тот, не мигая, тяжело смотрел на него.

Витя чувствовал в нём грубые привычки девяностых и, одновременно, усталость от бессмысленного насилия. Не то, чтобы эмпатия и открытость, но, по крайней мере, отсутствие нереализованного желания причинять боль. Поэтому Витька заговорил:

– Так нельзя! Это мои долги, а жена даже не знает ничего. У неё дочка маленькая. Угрожать ей – это подло. И вообще – надавил Витька, зацепившись за всплывшую вдруг в голове новую идею, – вы мне неделю дали! А ещё только два дня прошло!

Мужик отвёл взгляд в сторону, брезгливо поморщился, потом снова тяжело посмотрел на Витьку и спросил:

– Ну, а мне зачем все эти жалобы? Я тебе дал неделю, – я сижу тут и жду своих денег.

– Ладно, – осёкся Витька и растерянно спросил. – А где этот, долговязый? Когда будет? Я с ним говорить буду тогда.

Мужик на диване всё буравил Витьку взглядом. Молчал. Несколько секунд, длящихся каждая как минута. Кажется, что разговор был окончен, и нужно было уходить.

Витька медленно повернулся и шагнул к двери.

– Стой! – тихо скомандовал мужик и встал с дивана. – Сядь.

Витя оглянулся и увидел стул у стола. Сел.

Мужик подошёл и сел на край этого стола, нависнув над Витькой. От него пахло сигаретным перегаром.

– А ты чё хотел? Дружеского общения что ли? Жена у него, дочка. Кто эту всю ситуацию начал? Я что ли? Или молодой?

Витька не смел поднять глаза.

– Тебе пошли на встречу, а ты кинул людей, – а у них тоже жёны, дочери. Тоже жить хотят.

– Я же им не угрожаю, – вставил Витька.

– Ещё бы ты угрожал! Тут совсем другой разговор пошёл бы.

Мужик устало сполз с края стола, отошёл к окну.

– В общем, сюда придёшь, когда деньги будут. Или не придёшь уже вообще. Мне твои жалобы не нужны. Иди.

Витька упрямо пристыл к стулу.

– Деньги я принесу. Или... – он не договорил эту фразу. – Но жену не троньте.

Мужик повернулся к нему.

– Кому она нужна! Иди уже, – утомил.

Витька встал и вышел из комнаты. Потом в коридор. И из здания, на воздух и солнце. И, кажется, только там первый раз вдохнул.

Пока шёл прочь, всё ему казалось, что ему смотрят из окна вслед, хотя действительно, никому он тут нужен и не был, только его деньги.

Он прошёл вдоль барачков, повернул в тихий дворик с детской площадкой, над которой навис старый, порезанный поперек толстого ствола, облезлый тополь.

С краю дворика, запросто, будто обычный горожанин и местный житель, на скамейке сидел Семён.

Витя молча подошёл и сел рядом. Тихо посидел с минуту, потом спросил:

– Ты знал, что так будет?

– Ага. – Семён спокойно разглядывал детей в песочнице, один из которых строил, другой упорно разрушал построенное, и оба – недовольные друг другом – никак не хотели прислушаться к молодой мамочке, которая пыталась объяснить, что строить вместе хорошо, а рушить чужое – плохо.

Витя тоже безразлично посмотрел на эту педагогическую историю.

Через несколько минут снова спросил:

– Что же теперь делать?

– Ты пытаешься открыть дверь не в ту сторону. Толкаешь от себя. Наружу. А она открывается внутрь.

– В смысле?

– Ну, ты вот правда думаешь, что придёшь к этим крутым ребятам вот так, запросто, покажешь, что и ты крут, а они вдруг признают тебя за своего, отступят, и всё сразу разрешится? – своим вопросом ответил Семён.

Витя долго молчал.

– Ну, надо же было что-то делать, – наконец сказал он.

– Понятно, – вздохнул Семён.

Витя устало и долго набирал воздух в грудь, потом выдохнул:

– Что тебе понятно? То же, что и там, в подъезде, когда я под дых получал? Легкие пути не всегда правильные?

Семён промолчал.

– Знаешь, я всяких там Господних Чаш себе не просил, – не глядя на Семёна, сказал Витя грустно.

– А никто не просит, – ответил Семён.

Витя встал и медленно поплёлся по аллейки дворика. Не в сторону остановки. Даже, кажется, не в сторону дома. А куда глаза глядят. А позади него осталась уже пустая скамья.

Витьке хотелось, чтобы его поняли, помогли. Но ещё больше, чтобы стать маленьким и незаметным, чтобы все забыли про него, отвернулись, оставили в покое и исчезли из его мира. Но только чтобы там остались Анька и Ленка. И в какой-то момент он даже представил себе падающий на весь этот город тяжёлый раскалённый метеорит, чудовищный взрыв, всё разлетается в клочки, а он с Анькой и Ленкой ещё с дачи не вернулись, потому что там картошка и огурцы, которые-то и помогут им выжить в первое время. А затем, конечно, новое человечество, которое они с Анькой и Ленкой зародят. И вся жизнь с нуля. Вот так перезагрузка реальности!

И так ярко это привиделось! В таких вдруг цветах и подробностях.

Потом Витька выбросил всё это из головы, – он же взрослый уже человек, – и отправился к остановке троллейбуса.

В это время ангел тихо скользил над домами и проспектами и вспоминал то время, когда он был человеком. Вспоминал себя человеком.

Он тоже тогда не знал верного ответа и надеялся на

какое-то сверхъестественное чудо. Он тоже мучился. Теперь-то он знает, что чудес не бывает, а не знать верных ответов – легко и приятно. А ещё, так: легко и приятно, – умеют жить только ангелы.

Они-то видят, как ткань жизни медленно разворачивается, не прерываясь и не форсируя свою скорость. На ней может быть всё, что угодно, прямо как в безудержной человеческой фантазии, но всё это, даже не смотря на всю страсть своей выразительности, никогда не вырвется за пределы большого единого полотна, и в какой-то момент просто сгинет, сторит под раскаленным резаком прошлого. А если вообще посмотреть свысока, как это умеют лишь ангелы, на этом полотне всё станет плоским и сиюминутным. Вполне безобидным и даже смешным.

А, может, и нет. И всё не так! Это не важно. Ангел и в бытность человеком не всегда правильно выражал свои мысли, теперь же он вообще не понимал, зачем эти мысли и их правильное выражение нужны. Когда верных ответов-то и нет.

Но ещё он знал, что он обязательно поможет Витьке. Просто он так чувствовал и этим теперь жил. И, как выяснилось, не только уже Витьке, но ещё и Аньке, а значит – и Леночке. А потом это обязательно коснётся всех других людей, и пойдёт кругами разбегающихся волн, оживляя сюжет большого полотна во всю его ширину.

Только вот, как это будет?! – это пока оставалось от взора ангела сокрытым в Великом Неведомом, которое обычный

человек непочтительно называет словом «будущее».

Ангел ждал появления новой нитяной строчки большого полотна и просто летел над городом.

А на одном из краёв, чуть вдалеке от шумного его центра, тихо молилась Аня. Не словами даже и записными формулами, а своей поющей во всём любовью.

Как? А вот глянет на играющую на кровати Леночку с погремущей в руках, тронет Витькины футболки, что пойдут в стирку, начистит картошку в суп для семьи. И сама не знает о том, а молится. Потому что человек так-то не умеет сам молиться. Только вид делает. По-настоящему хорошо это делает только его душа. А человек живёт затем в том, что в ней молитвенно ожило и взросло.

Так и Анька жила – такой верой. Всё вокруг ей виделось светом, а в то, в чём света не хватало, она добавляла ровно столько, сколько нужно, чтобы было легко это любить дальше.

И ткань жизни от такой любви, весь цветастый узор на ней, сдвигался волнами и кругами. Реальность всегда подстраивалась. И поэтому Аньке не надо было иметь всё, чтобы быть довольной, она и так умела видеть то, чем была довольна, во всём, чем жила.

Причём, никто же и никогда её этому не учил. Она это всегда умела, и поэтому как-то по-другому жить у неё просто не получилось бы.

Такому не научишь, и обратно не переучишься.

Что ж.

«Ангел, ставший человеком! – и такое бывает. Может в том и спасение Витьки во всех его трудностях?» – подумал ангел, наблюдая в прозрачном небе над городом колыхание светлых потоков Анькиных молитв.

А Витька до дома пока не дошёл, мрачнел всё больше.

– Эй, драгоценный, что такой хмурый? Дай, погадаю! – всю правду тебе скажу, ничего не утаю! Ручку дашь, а я скажу тебе как было, как будет, и смахну печаль с твоей жизни. Верь мне! Бабка моя, а до неё её бабка, и бабка той бабки – все знали. И моё слово верное, целительное, как глоток правды для тебя! Как лекарство! Стой, не пожалеешь! Зачем идёшь мимо? Последний шанс упускаешь. Пройдёшь – смерть тебе будет, болезнь будет, плохо будет. А так, и тебе хорошо станет, и мне – смотри, сколько у меня деток, все кушать хотят. Помоги, добрый человек. Хороший человек. Не в убыток. А я в долгу тоже не останусь. Как есть всю порчу сниму, счастье принесу, удачу. Эй! Зачем мимо идёшь? Зачем не смотришь?

– Отстань.

– Ай, злой какой! Ну и пускай пусто тебе будет! И бедным и больным будешь! Одиноким и невезучим! Потому что злой и глупый! И нет тебе счастья теперь! Я вижу! Я знаю! Чёрт! Чёрт за тобой идёт! Вижу уже, как он облизывается на тебя!

Проглотит скоро! Будешь бежать, а он догонит! Просить, а он посмеётся! Нету тебе спасения! Нету счастья!

И так ещё долго позади, пока тётке в чёрных балахонах не надоело или ещё там чего – Витьке было всё равно. Даже если во всём она и права, – виноват он по всем статьям. Только он всё равно не сдастся. Ручки не поднимет. Ведь надо только разобраться с этим долговязым. А дальше, что-нибудь придумает, как-нибудь выкрутится.

А сюжет большого полотна только закручивался.

Вечером Витька не хотел идти на работу и оставлять семью в ночь. Метался в сомнениях и мрачных ожиданиях. Особенно после утреннего своего крестового похода, хоть по итогу ему и дали понять, что Анька им не интересна. Но ведь не гарантировали, что всем им.

Анька убедила, что всё будет в порядке, и что она теперь осторожнее, чем была, когда ничего не знала, и запрётся наглухо в квартире до утра. Уже в прихожей подошла к Вите и говорит:

– Мы-то дома у себя. Это ты уходишь один. И смотри, у тебя везде «ОХРАНА» написано. Тут, – она положила свою ладонь ему на сердце, – Там, во всю спину, – обняла его, обхватив крепко руками. – На кепке, – посмотрела мужу в глаза. – Это я тебя буду охранять. Понял?

Аня улыбнулась и поцеловала Витю легким касанием губ.

Потом отошла на шаг и вручила мужу авоську с какой-то едой в маленьком пластиковом термосе:

– Иди спокойно, – и открыла дверь.

Витя вышел, чуть улыбнувшись, но не тронулся вниз по ступенькам, пока не услышал хруст всех замков в дверях. Потом, уже на улице, несколько раз оборачивался, пытаясь выхватить взглядом по округе силуэт чёрной машины. Но всё было спокойно. Почти как всегда, кроме того, что каждая тень мерещилась теперь разными силуэтами.

Он вышел на улицу, прошёл скверик с заработавшим на днях фонтаном, быстро зашагал мимо резко открывшихся для него дверей супермаркета к чёрному зданию бара «NEBESA», которое показалось впереди.

И вдруг – он увидел там эту чёрную БМВ! Блестящую под светом недавно зажегшихся фонарей.

Как знал! – мелькнуло в голове.

Машина стояла в дорожном кармане проспекта, напротив лестницы бара. Видимо, владелец её убивал теперь своё время внутри, наливаясь жгучим алкоголем. А в груди у Витки тоже всё как будто обожгло, – так близко от их дома! Он ускорился и резко рванул по ступеням в сияющее нутро питейного заведения, сжимая на ходу кулаки.

Пролетел мимо дремавшего охранника. Ворвавшись в зал бара, наполненного частыми тяжёлыми ударами бездумной музыки, оглядел стойку и все столики в стороне от неё, – долговязого не было. Лишь на фоне зеркальных витрин с пуза-

тыми бутылками чернела рубашка молодой барменши. Она орудовала со стаканами напротив единственного посетителя бара, оседлавшего неудобный стул. И это тоже была женщина, маленькая и скрючившаяся над высоким стаканом чего-то красноватого.

Она грустно рассказывала:

– Ну, в чём тут смысл? Стараешься, стараешься, а они проходят. Быдло, а не народ! БЫДЛО!

Молодая барменша, не говоря ни слова, выполняла свою рутинную работу, делая вид, что всё слышит.

– Хы! – осклабилась подвыпившая особа, – и ведь эти депутаты тоже быдло! Только под теми, кто выше их стоит. А те – для тех, кто ещё выше. А потом – ещё выше. Пока... – она замолчала, уперев острый тонкий палец в потолок. – Вот так и живём... – и рука упала на камень стойки, изображая полное уныние. – Быдлом друг для друга.

Витька узнал женщину. Активистка политического пикета отдыхала после очередного трудового дня. Кажется, неудачного. Её писклявый высокий голос теперь не бил пронзительными децибелами, усиленными матюгальником, а был размазан в воздухе каким-то неприятным и скользким скулением. Только Витьке это всё было не интересно. Он шагнул было к барменше, чтобы задать вопрос про долгоязого, как тот сам вальяжно вырулил из-за дальнего угла со стороны тёмного прохода к туалетам. Витьку он не видел. Зато Витька видел его.

Он почти настиг его, когда тот плюхнулся в мягкое дерматиновое кресло с высокой спинкой у своего столика и потянулся к стакану. И за столом он был один.

Витька все слова забыл и страхи свои и кинулся на долговязого сразу же. Тот в последний момент сжал губы, скусился и даже почти зажмурился от пролетающего мимо кулака Витьки, но всё-таки выставил вперёд свои длинные руки и ноги. Витька просто наткнулся на них и до уязвимых частей тела этой скотины не доставал. А жалко!

А дальше начался беспорядочный махач, как выражались Витькины одноклассники-подростки, когда собирались вместе поговорить о насущном.

В один момент Витька двинул рукой, и маленький пластиковый термос в авоське, которая так и осталась зажата в его кулаке, заехал долговязому под глаз. Тот отлетел скорее от неожиданности такого удара, чем от полученного импульса летящей по касательной массы. Но тут же вскочил снова. Была бы реальной масса в руках у Витьки, он бы уже не встал. А так, – пластмассовая болванка, и только.

Витька размахнулся свободной рукой, совсем не целясь, но сумел заехать долговязому всего лишь в плечо. Тот тоже крутился, пытаясь защищаться, извивался, слегка постанывая от напряжения. Витька же пёр молча и целенаправленно. И в конце концов сумел так толкнуть противника, что тот отлетел к дальней стенке, к которой боком было придвинуто его кресло. Витя собрался было вскочить на кресло и

напрыгнуть на соперника сверху, как увидел, что тот тащит из-за пояса чёрный блестящий пистолет. Как в замедленном кино Витька успел только смахнуть на него стоящий на столе стакан с какой-то выпивкой, и тем на время замедлил его решительные действия. Но в следующее мгновение Витька уже метнулся в сторону от направленного на него дула. Грохнул выстрел!

Именно грохнул, оглушив. Что-то посыпалось, звеня, женщины завизжали, а плотные тяжёлые музыкальные биты на время притухли в эхе выстрела.

Долговязый парень уже вставал ногами на кресло для лучшего обзора. А Витька бросился под какой-то стол, потом – за стул и дальше, мимо стены в сторону распашной на обе стороны двери в барную кухню. И весь этот путь его пытались настичь хаотичными выстрелами.

На тесной кухне, за металлическими разделочными столами и массивной конвекционной панелью, Витька был защищен от пуль лучше. В глубине – большой холодильник, за которым виднелся проход в следующую комнату. Только Витька метнулся к нему, как в кухню ворвался обезумевший от страха и собственной вооруженности долговязый бандит, который тут же начал палить без разбору и не целясь. Пули звенели о посуду и отлетали от металла рикошетом. И тут ... Витька успел только услышать короткий пронзительный шипящий свист, за которым взрыв оглушил его. Видимо очередной рикошет пробил шланг небольшого газового балло-

на, стоящего в углу, а затем рванул и сам газ. Холодильник, за который успел влететь Витька до взрыва, сдвинуло ударом, и он вытолкнул Витьку в соседнюю комнату, а сам застрял в дверном проёме.

Всё посыпалось, потемнело, кожу обдало жаром, а откуда-то сверху полилась вода. В ушах стоял свист. Кажется, тонко и пронзительно звенели перепонки. Всё смешалось на целую минуту. Ничего не чувствуешь, ничего не видишь, ничего не понимаешь. Только через эту минуту отбитое тело Витьки вдруг без предупреждения пронзило болью. Нестерпимо ломить стало всё и сразу. Ни руки, ни ноги не хотели слушаться, в этой ломке. Лишь невероятным усилием удалось подтянуть конечности под себя и слегка приподняться над полом. Обрушившаяся темнота наполненная звоном в ушах, обескураживала ещё больше. Пошатываясь, Витька пополз на четвереньках куда-то в сторону, будто всё ещё убегая от кого-то. Но, упершись в твёрдое перед собой лбом, он снова распластался на холодный мокрый пол. И это немного помогло. Ещё через минуту, хотя Витька не мог считать и понимать адекватно текущее вязкое время, он смог подчинить руки и ноги своей воле.

Выставив одну руку вперед, он снова куда-то пополз. По проблескам метущегося огня сквозь щели понял, что стоит у холодильника, спасшего ему жизнь, а за ним, в кухне, — разгорается пожар.

Витька напрягся и изо всех сил толкнул холодильник от

себя, освобождая дверной проход. Достаточно, чтобы пролезть дальше. Там уже было светлее от огня, но при этом, комнату заволакивало густым дымом. Огня немного, кухня вся была в металле и кафеле, просто гореть было нечему, но в углу дымила раскуроченная микроволновка и ещё что-то там, в стороне.

Надо было выбираться.

Витя, прижимаясь как можно ближе к полу, чтобы не надышаться, пополз к выходу из кухни. Там, в почти не пострадавшем от взрыва пространстве барного зала, пульсировала красным аварийная лампа и глухо вопила пожарная тревога. Так и вопила: «Пожарная Тревога! Пожарная Тревога!»

Где-то со стороны этой красной пульсации и голоса из динамиков был выход на улицу, и Витя пополз в его сторону. Но по пути он вдруг наткнулся на чьи-то две обнявшиеся друг с другом фигуры. Во вспышках красного он узнал барменшу и пьяную агитаторшу. Ещё когда началась драка, они подались к Витьке и долговязому с какими-то криками и воплями, которых он уже не помнил. А когда грохнули выстрелы, видимо те прижали их, инстинктивно бросившихся на пол, друг к другу. Тут их и застал последовавший за этим взрыв.

Агитаторша теперь пьяно мычала, пока не придя в сознание, барменша судорожно извивалась, стараясь выбраться из-под неё. Витьке пришлось закричать (он сам себя практически не слышал), что он поможет и потащить бармен-

шу, а вместе с ней и бесчувственную агитаторшу, к выходу. Барменша помогала дрыганьем своих конечностей, агитаторша практически ничего не весила, – сжатый кусок пропагандистского запала, одни нервы. Так что им троим удалось достаточно быстро выбраться на улицу и скатиться по холодным крутым ступеням куда-то в мокрую от вечерних испарений траву. Даже агитаторша от такого способа спуска стала приходить в себя.

«Живые», – пронеслась в голове Витьки шальная мысль. Он даже боль практически перестал чувствовать и начал подниматься на ноги, балдея от охватившего его пьянящего чувства только что выжившего человека. Спасенные им девушки при этом ещё ковырялись на земле, не понимая пока где реальность.

Витя повернулся в сторону чёрного столба дыма, вырывающегося из большого мрачного портала барного входа. Как вдруг, пронзая этот мрак слепящей вспышкой, прямо в его сторону вылетел на своих огромных сияющих крыльях Семён. С его рук свисало закопченное чьё-то тело.

– Забыл ещё одного, – улыбнулся ангел, опуская к ногам Витьки свою ношу. При этом его крылья хлопали о воздух и с силой разрывали вечернюю тишину, обдавая Витьку каким-то сладким ароматом.

От этого благовония голова Витьки стала лёгкой, боль прошла и забылась. Стали приходить в себя девушки, и – Витька даже успел удивиться – открыло глаза чёрное тело по-

следнего спасенного. Это был долговязый бандит, стрелявший в Витьку.

Он лежал, хлопая веками, отчего белки его глаз то вспыхивали, то снова гасли на фоне закопченного лица. А в глазах был не то ужас, не то недоумение. Он смотрел на ангела перед собой во всей его ослепительности, а потом на Витьку, геройски нависшего над ним, и снова на ангела своими зрачками-маятниками и мычал о чём-то. Вид его был жалок.

– Вот он, принесён к твоим ногам и на твою милость, – торжественно произнёс ангел.

Витька посмотрел на подношение.

– А на кой он мне теперь? Мне уже ничего не надо. Он всё сам сделал.

Закопченное тело в траве слушало этот диалог и следило, какая чаша весов перевесит, и паузы между слов здесь казались безднами, в каждую из которых скоро предстояло отправиться. Светящееся крылатое существо усиливало пафос сцены.

– Простите, – прохрипело снизу.

Витька глянул вниз.

– Посмотрим, – только и сказал он и отвернулся к ангелу. – Ты тут откуда? – спросил он друга.

– Да так, мимо пролетал. Решил на небеса взглянуть, – по-человечески каламбурил Семён. – Ну и устроил ты там взрыв сверхновой!

– Так, само собой как-то получилось. И, вообще, взрыв не

мой! – первое, что пришло, выдал Витька. – Кажется, нам надо валить отсюда. Иначе задержат надолго.

Со стороны уже подбегали люди, пытаясь помочь лежащим на траве. Ангела они уже не видели. А Витька тихо зашёл за чёрный куст и исчез в надвигающейся ночи.

И пошёл на работу.

Он даже умудрился как-то добраться туда, хоть и прилично опоздал. Начальник хотел было вклеить ему выговор, но от вида Витькиного забыл это сделать. Перешёл на сочувственный тон в адрес жертвы автомобильной аварии, которой представился Витька. Просто ему не хотелось связывать свою персону с событием, о котором завтра будет знать весь город, а может быть и область. Когда впечатлённый начальник был окончательно повержен и, качая головой, ушёл, Витька кое-как привёл себя в порядок и провёл ночь, прокручивая в голове умопомрачительные события прошедшего дня.

Что теперь будет? – вот какой вопрос повис в мыслях у него.

При этом ни страха, ни радости, ни какой-то заинтересованности в ответе. Одна пустота.

Поразительно, как, дойдя до черты, можно поменяться и поменять для себя всё! Будто уже видел, что там, за чертой, и оно забрало тебя прежнего.

Следующий день, как и предполагал Витька, город гудел вечерним событием в баре. В местных новостях крутили кадры с места происшествия. Витька сидел дома перед экраном и, нахмурившись, смотрел на закопченные до черноты некогда серебряные буквы названия бара, которые стали почти не видны на фоне изначально чёрных стен. Внутри тоже – всё стояло закопченным. NEBESA стали походить на мрачные подземелья ада. Двое пострадавших девушек давали интервью, в которых что-то лепетали про своего спасителя и удивлялись, куда это девался вдруг охранник заведения. Который, кстати, оправдывался тем, что его оглушило взрывом и он сам не помнит как выбрался. Витька только сейчас вспомнил про охранника. После взрыва его точно нигде не было видно. Может, сбежал сразу же, как только начались выстрелы?

Про долговязого, из-за которого закрутилась вся эта кутерьма, нигде не было сказано. И про стрельбу тоже. Только о взрыве баллона с газом. И ещё, журналисты все, как сговорились, заканчивали свои репортажи призывами найти спасителя девушек и наградить за проявленное мужество.

Витька хмурился. Ой, как же не нравилась ему эта суета.

В остальном, день прошёл спокойно. Только после обеда позвонили, – нашёлся покупатель на выставленное на продажу столярное оборудование. Договорились на следующий день встретиться, посмотреть. Витька боялся даже радоваться, чтобы не сглазить. Если продаст, расплатится со всеми

долгами.

Следующий день был рабочим, надо было выходить на дневную смену. Поэтому Витька позвонил начальнику, сказал, что не очень хорошо себя чувствует, просил выходной за свой счёт. Начальник выходной дал, ещё раз спросил про аварию, пожелал здоровья. Витьке даже неудобно стало от своего вынужденного вранья. Но, лучших вариантов не было.

В общем, день Витька провёл в ожидании, странных невесёлых мыслях и, одновременно, в надеждах. То есть, несколько нервно прошёл день. Но, всё-таки, прошёл.

На второй день после пожара в баре Витька уже с утра стал собираться на встречу, которая была аж только после обеда. Он уже два часа периодически метался по квартире, волновался, нетерпеливо смотрел на часы, всё время проверяя мысленно, всё ли приготовил. Готов был хоть сейчас уже идти, лишь бы скорее.

Но ещё до обеда в дверь вдруг позвонили. «Что за неожиданные гости?» – подумал Витька, когда пошёл открывать, Анька была занята на кухне.

В рыбьем глазе дверного глазка стояли двое: старший мужик из коллекторской фирмы и его молодой долговязый помощник, которого в последний раз Витя видел чуть живым. Вот ведь, опять нарисовались! Витька внутренне сжался, эти гости были совсем не ко времени, но дверь не открыть было нельзя. Поэтому пришлось нехотя хрустнуть замком, от-

крыть дверь и, тут же выйти на лестничную площадку, прижав дверь своей спиной. «Гости» тоже так привыкли общаться.

Старший стоял как обычно: не мигая смотрел на Витьку. Молодой как-то сник, сжался, будто и не хотел тут сейчас оставаться.

– Ещё же время есть у меня, почти три дня! – начал было Витька.

– Погоди ты, мы не за тем, – остановил его старший. – Выяснить надо одну вещь.

Он нахмурился и посмотрел на грустного молодого.

– Вчера нашли вот его в больнице. Какого-то побитого. Говорит, был в баре сгоревшем, и ещё всякое там несёт.

Старший вышибала мялся, не знал как лучше сказать. Но не в его привычках было отступить.

– Короче, говорит ты там был, напал на него. И ещё взрыв был. А ты вдруг с крыльями оказался и вылетел вместе с ним из огня. Короче, спас что ли. И вот он, – мужик кивнул на парня, – несёт эту ахинею, хоть в дурку вези.

Мужик сделал паузу, ещё раз посмотрел на молодого парня, который мялся рядом.

– Ну так, я разобраться хочу, что произошло?

Витьку припирали ещё каким-то новым разбирательством, причём одни и те же люди. И это сейчас, когда он почти готов был решить все старые проблемы, было вообще некстати. Но. Выкручиваться с этими людьми, когда они

спрашивали прямо, точно теперь не стоило.

– Да, был там. Хотел морду ему набить, – хмуро посмотрел Витька, – но не успел. Он пистолет достал и начал палить без разбору. А там газ взорвался.

– Это я понял! – перебил его мужик нетерпеливо, – Но ты с крыльями летал и спасал его? Вытащил из огня?

Тут за плечом мужика вдруг начала проявляться крылатая фигура Семёна. Он хитро так улыбался, глядя на Витьку. А Витьку это повергало в ещё большую растерянность. И ведь, не нашёл лучшего времени, чтобы напоминать о себе. Весело ему!

Витька скосил на него взгляд и как будто обижено сказал мужику:

– Да не был я с крыльями и не летал там нигде, и вообще, как мог, спасал ...

– Ну вот! – почти торжественно выдохнул мужик парню, оборвав Витьку на полуслове, – это тебе всё привиделось. Давай, это, не паникуй. При таких делах ещё и не такое может мерещиться.

Витька внимательно следил за реакцией мужика и поглядывал на удивительно смиренного теперь своего врага.

– Но факт есть! – жизнь он тебе спас. С крыльями там, без крыльев. За тобой теперь должок, паря!

Долговязый вяло посмотрел на старшего своего напарника.

– В наше время, по любому, за это по гроб были обязаны.

Не знаю как у вас теперь молодых, но понятия тогда чтили. Понял?

Долговязый молчал.

– Понял, спрашиваю? – надавил мужик.

– Да, – выдавил молодой.

– Или платили по долгам, если не хотели такого ярма на шею. Тем, что было. Короче, по любому платили.

Парень снова молчал. Старший мужик терпел секунд пять, потом выдохнул раздраженно:

– Учить вас ещё и учить, салаг. Давай ключи от машины, – тоном, на который не возразишь, закончил мужик, вытянув руку.

Парень округлил глаза, глянул на настойчивого напарника, но полез в карман.

– Лучше сейчас, чем тогда, когда не готов будешь вернуть долги, – веско сказал мужик, смахнул с ладони пацана ключи на брелоке. И протянул их Витьке.

Витька вообще мало что теперь понимал. Как говорится, без меня меня женили, и ещё и машина в приданое. Он молча протянул руку и принял ключи. Постоял несколько секунд, пытаясь понять, что произошло.

– И ещё. Тебя в баре не было. Усёк? – надавил мужик.

Витька быстро мотнул головой, соглашаясь. Потом разберётся, почему и как это его в баре не было.

– Ну всё, разобрались, – по-деловому заключил мужик и толкнул молодого в сторону лестницы вниз.

– Стойте, – вдруг тормознул их Витька.

Те остановились.

– Если это теперь моё, то я этим и долг свой могу покрыть? Я думаю, там ещё даже в большем плюсе будете, машина ведь дороже стоит.

Витька ждал решения. Но мужик долго не думал, быстро прокрутил в голове все балансы и забрал ключи у Витьки. Посмотрел на безучастного долговязого парня и молча пошёл вниз. Молодой – за ним.

– Так мы теперь в расчёте? – крикнул вдогонку Витька.

– Да, – коротко подтвердили снизу.

Витьке было достаточно одного этого слова.

На кухне Аня возилась у плиты. Леночка в своём высоком стульчике сидела тихо, уставившись в сторону двери. Вдруг она улыбнулась и весело засмеялась. Аня повернулась к ней и, тоже улыбаясь, спросила:

– Весело моей доченьке?

А дочь подняла свои ручонки и замахала ими, словно маленькими крылышками, пролепетав вдруг:

– Дядя!

Анька чуть кастрюлю из рук не выронила. Подбежала к дочери:

– Что ты сказала, малышка?

А дочь машет руками и смеётся, глядя на дверь.

Аня посмотрела туда же, даже подошла к двери, заглянув

за неё. Никого и ничего там не было. И вдруг позади неё отчётливо, радостно и звонко детский голосок:

– МАМА.

Внутри у Ани тут же всё сжалось от радости, и она обо всём забыла, кроме дочери и её первого слова для неё. Бросилась к Ленке.

В этот момент на кухню вошёл Витька.

– Вить! Она меня мамой назвала! Слышал? – смеялась Аня.

Витя долго стоял в дверях. Смотрел, не понимая ничего. Потом подошёл к Аньке с дочкой, которую она подняла на руки, и без слов обнял их с облегчением.

«Чудо какое-то, а не день!» – подумал он.

Потом Витька посадил жену за стол, долго и обстоятельно, периодически прерываясь на паузы, пересказал Аньке все события последних двух дней и их итог. Ему самому это было надо. Даже про выстрелы и взрыв не утаил, глядя в испуганные глаза Аньки. Только про Семёна не стал ничего упоминать. Лишь уточнил, что долговязый тоже спасся. И все эти вопросы бандита про крылья – нет, да и зачем это сейчас! Главное, у этих людей других вопросов к нему больше не осталось. А значит, обязательства сняты.

Анька была рада, кажется, даже больше его. И всё повторяла и повторяла:

– Ну вот! Я же говорила! Я как знала!

И они снова обсуждали то, как теперь заживут. А дочка весело махала им ручками. По крайней мере, им так казалось.

За всеми разговорами и планами на дальнейшую спокойную жизнь Витька чуть было не проспал время своего выхода на встречу. В последний момент, взъерошенный, но до крайности счастливый, схватил сумку с документами, ключи от гаража и рванул вон из дома.

Еле успел ко времени. Запыхавшись, отвечал на все распросы покупателя, показал станки, для вида поторговался чуть-чуть, но быстро согласился даже не на самую высокую цену.

Тоже деньги ведь. Живые.

Пока шли переговоры, по гаражу, невидимый для всех, тихо двигался Семён. Смотрел на свои потёртые инструменты, трогал тёплое дерево, вдыхал сладкий аромат старых стен, потом поднялся в комнатку на антресолях, где стол, диван и полка с книгами, которые ему теперь были без надобности. Но вспомнить было приятно. Чтобы затем легко отпустить и расстаться с этим.

«В который уже раз! Снова!» – подумал он.

Вот уж, бытие двигается по спирали и ничто никогда не исчезает в тебе. Только по-новому приходит.

А потом гараж опустел.

Витька целый день решал какие-то орг.вопросы, помогал покупателям всё оформить и перевезти и только под вечер освободился. Уже направившись было домой, вспомнил вдруг про Семёна. Которому как будто был даже немного обязан теперь. А понятия Витька уже знал! Напомнили.

Улыбнувшись последней мысли, он позвал про себя: «Семён! Ты где? Нам бы встретиться».

И в мыслях же услышал ответ: «Приходи на реку, к нашему месту. Сейчас».

Земная грань

Прежде, чем взлететь, душа спускается на землю.

А чем ближе ты к поверхности земли, тем на большее количество деталей распадается картинка. И то, что ты видел, как единый источник и основа всего, вдруг теряется в переплетениях отдельных струй, журчащих по-своему.

И как не потеряться в этой суете среди тех, кто уже потерялся?

Но всё же это не просто так! Не случайно, по прихоти капризных богов мы посланы все сюда. И не в лотерею выигрывается билет на другие направления.

Если приглядеться, мир – безграничная игровая площадка, где каждый играет в свою игру. А мы же знаем ещё с детства, в игре есть только одна цель: та, в которую ты веришь. А значит, ты играешь, пока хочешь так играть.

Участникам кажется, что в этих играх тут кто-то выигрывает, а кто-то – проигрывает. Но ведь – игра же! А значит, на самом деле, кто-то просто верит, что он Победитель, а кто-то, наоборот, – верит, что Абсолютный Лузер. А потом вдруг они меняются ролями, как плащами разных цветов, прикрывающих то, кем на самом деле они являются на эту землю.

Детьми Вселенной.

Им победа и поражение – одно. Мельтешение событий. И все они пройдут. События, победы, поражения.

Кроме самой жизни, которая бесконечна. И кроме их самих – маленьких вечностей в её лоне. Только эта вера в них не проходит никогда, даже если всё остальное падёт в сомнениях. Ведь так?

Так ради чего всё?

А это просто понять – ведь всё вокруг меняет форму в круговоротах событий, а человек за жизнь меняет и форму, и содержание себя. Он прирастает опытом, расширяя свою бесконечность в ещё большую бесконечность. И это не просто движение из одной точки в другую. Это полёт его души. Это просветление его души.

Так ради чего на этой земле так страстно играет ребёнок?
И всегда ли эта игра на счастье?

Начало

Витька шёл узкой торфяной тропинкой среди частых стеблей по-весеннему голых малинников. Ох, какие летом тут будут заросли! Целый лабиринт узких тропок, укромные уголки, скрытые от незнающих эти места взрослых. Детская вольница! Витька помнил ещё, как вдвоём с Семёном они играли здесь в первооткрывателей континентов. Строили шалаши, оборудовали наблюдательные пункты. А чуть дальше, в поле у реки, гонялись за бабочками, стреляли из самодельных луков, караулили сурков.

Где-то там был и их маленький песчаный пляжик на излучине тёмной ленты полноводного теперь русла. Витька подходил всё ближе.

Семён уже сидел там. Тихий, худой со спины, как в детстве. Когда Витька подсел рядом, прямо на влажный, мягкий, взрыхлённый морозами холмик прошлогодней травы, он улыбнулся и выдохнул:

– Правда, тут хорошо?

Витька посмотрел на быструю воду.

– Правда. Ничего не изменилось. Вот там мы ныряли, когда полная вода была. А когда она летом спадала, ловили мальков, – улыбнулся Витька.

Всё ещё улыбаясь, он повернулся к Семёну:

– Слушай, я хотел тебе сказать...

– Подожди, – остановил его Семён, – Давай немного по-

сидим тут, помолчим. Чувствуешь, как весна разошлась?

Витька замер, приглядываясь и прислушиваясь. Вдохнул полной грудью, выдохнул легко и замер.

Слегка рыжая мутная вода неслась мимо них, вылизывала мощными струями белёсый лёд, схвативший морозной зимой донные камни и теперь держащийся за них под напором течений до последнего. Вода пустилась прямо по нему, остро врезая в его матовое стекло мелкие льдинки, что безостановочно проплывали мимо. Чуть в стороне тонкая веточка, – упругий прутик, – дрожала частой мелкой дрожью под нажимом набегающей струи. Её жизнь продолжалась в этой радостной борьбе. Земля на том, высоком, берегу была ржавая от прошлогодней травы, прибитой за зиму тяжёлыми сугробами. Она тепло светилась в лучах вечернего солнца. И будто воздух между небом и землей светился тоже от этой теплоты. От этого света даже хвоя на ближайших соснах налилась яркостью, посвежела, засияла юношеской зеленью. Мир расправлялся и глубоко дышал вокруг.

Наконец, Семён тихо сказал:

– Так всегда бывает. Чтобы ни случилось за зиму.

Витька, уже поглощенный этой силой возрождения вокруг, не ответил. Семён сам спросил:

– Так что ты хотел сказать?

Витька повернулся к нему:

– Забыл.

Он хлопал ресницами, под которыми взгляд его стал про-

зрачнее и чище.

– То есть, конечно, поблагодарить, – спохватился Витька, – просто сказать «спасибо».

– Всё произошло так, как и должно было произойти. Меня, в отдельности, можно не благодарить, – ответил Семён. – Миров много, и ты сам выбрал, в каком хочешь оказаться. А реальность подстроилась.

Витька задумался и не сразу догадался, о чём говорит Семён. А когда понял, то вдруг почувствовал, какой мир вокруг огромный. И внутри – тоже.

Посидели минуту молча.

– Кажется, мне уже пора.

Семён встал и махнул Витьке рукой. Тот – махнул в ответ. Немного грустно. А Семён просто медленно зашагал прочь, словно отправился домой отдохнуть после игры. Как в детстве.

– Эй! – окликнул его Витя.

Семён оглянулся.

– Так, в чём Истина? Или, может, смысл всего? Ты же знаешь уже.

Семён пожал плечами:

– Не может быть единого на всех смысла. А истин – вообще не существует. Кроме придуманных вами.

– А что есть? – не отпускал Витька.

– Душа.

Семён снова сделал шаг в сторону.

– Слушай! – вновь остановил его Витька. – Хочу ещё сказать. Я рад, что мой друг – ангел!

Семён улыбнулся в ответ и растворился, будто медленно просочился сквозь воздух и солнечные вечерние лучи.

Витька остался один. Он сидел, вдыхая мятный запах прохладной воды, и улыбался своим мыслям. Жизнь продолжалась.

И вдруг зрачки его округлились, отразив ширь неба, по которой из-за горизонта надвигался на него раскалённый добела сияющий шар. Свет метеора быстро нарастал, пульсируя, и вышибал из воздуха белым хвостом клубящиеся облака позади. Потом вдруг резкая вспышка, от которой веки вздрогнули и на секунду зажмурили глаза. И шар потерялся в собственном сиянии взрыва.

И тишина. Шар исчез. Только белый след распадался на расширяющиеся до горизонта два ярких ангельских крыла, оперившихся взбитой пеной небесного пара. Невиданное зрелище!

А потом пришла волна грохота, ударившая в лицо Витьки, и накрывшая город за его спиной. Витька вскочил и побежал.

Реальность качнуло.